

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕФОРМЫ И ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОВСЕДНЕВНЫХ СТРУКТУР В ТИХООКЕАНСКОЙ РОССИИ (1985 – 2015 гг.)

(Материалы круглого стола 10 октября 2017 г.)

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

Институт истории, археологии и этнографии народов
Дальнего Востока

**СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ
РЕФОРМЫ И ТРАНСФОРМАЦИЯ
ПОВСЕДНЕВНЫХ СТРУКТУР
В ТИХООКЕАНСКОЙ РОССИИ
(1985–2015 гг.)**

(материалы круглого стола
10 октября 2017 г.)

Владивосток
2017

УДК: 323(571.6) «1985/2015»

Социально-политические реформы и трансформация повседневных структур в Тихоокеанской России (1985–2015 гг.): материалы круглого стола, 10 октября 2017 г. [Электронный ресурс] / отв. ред. А.С. Ващук. – Владивосток, 2017. – 85 с. // Официальный сайт ИИАЭ ДВО РАН. URL: <http://ihaefe.org/publishings/publications/on-line>

ISBN 978-5-9906119-3-1

Редколлегия:

д.и.н. А.С. Ващук (отв. ред.), д.и.н. Е.Н. Чернолуцкая, к.и.н. Ю.Н. Ковалевская

Рецензенты:

д.и.н. Н.Г. Кулинич, к.и.н. Э.В. Осипова

Материалы круглого стола представляют итоги выполнения трехлетнего проекта «Социально-политические реформы и трансформация повседневных структур в Тихоокеанской России (1985–2015)» по гранту ДВО (проект № 15-I-9-009). Авторы, учитывая современную историографическую ситуацию в области трактовки повседневности, исследовательский опыт предшественников, а также выбранные сферы и объекты изучения, актуальные для дальневосточной истории, и выявленный корпус источников, показывают возможности и ограничения применения теории повседневности для понимания трансформационных процессов. Раскрывается траектория изменения дальневосточного общества и практики поведения населения в ключевых и/или наиболее проблемных сферах: труд и потребление, формирование неравенства, общественная солидарность и социальный протест, взаимоотношения мигрантов и принимающего сообщества, маргинальные и криминальные слои и правоохранительные органы.

Материалы круглого стола предназначены для широкого круга специалистов историков, социологов, культурологов, политологов, а также студентов-гуманитариев и всех, интересующихся историей Дальнего Востока России.

Ключевые слова: методы исторического исследования, теория повседневности, Тихоокеанская Россия, трансформация общества.

Печатается по решению ученого совета Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН

ISBN 978-5-9906119-3-1

9 785990 611931

© Институт истории, археологии
и этнографии народов
Дальнего Востока ДВО РАН

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
FAR EASTERN BRANCH

**Institute of History, Archaeology and Ethnography
of the Peoples of the Far East**

**SOCIAL-POLITICAL REFORMS
AND TRANSFORMATION
OF EVERYDAY STRUCTURES
IN THE PACIFIC RUSSIA
(1985–2015)**

Materials of the Round Table,
10 October 2017

Vladivostok
2017

Social-political reforms and transformation of everyday structures in the Pacific Russia (1985–2015): materials of the round table, 10 October 2017. [Electronic resource] / Ed. in chief. A.S. Vaschuk. – Vladivostok, 2017. 85 p.
URL: <http://ihaefe.org/publishings/publications/on-line>

ISBN 978-5-9906119-3-1

Editorial Board: Doctor of Historical Sciences A.S. Vaschuk (editor in chief), Doctor of Historical Sciences E.N. Chernolutskaia, Candidate of Historical Sciences Yu.N. Kovalevskaya.

Reviewers: Doctor of Historical Sciences N.G. Kulinich, Candidate of Historical Sciences E.V. Osipova.

Materials of the round table represent the results of the fulfillment of the 3-year plan project “Social-political reforms and transformation of everyday structures in the Pacific Russia (1985–2015) on Grant FEB RAS (project 15-1-9-009). Taking into consideration contemporary historiography situation in the field of everyday life interpretation, research experience of precursors, and also investigation spheres and objects, actual for Far Eastern history, and the source base being revealed, the authors show the possibilities and limits of using theory of everyday life for understanding transformation processes. There analyzed the trajectory of changing Far Eastern society and practice of residents’ behavior in the key or/and most problematic spheres: labor and consumption, forming inequality, social solidarity and social protest, interrelations between migrants and host communities, marginal and criminal strata and law-and order bodies.

Materials of the round table intended for wide circle of specialists: historians, sociologists, culturologists and politologists, and also students-humanitarians and all those interested in the history of the Far East.

Key words: methods of historical researches, theory of everyday life, Pacific Russia, transformation of society.

Printed on the decision of the Academic council of the Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Far East FEB RAS.

ISBN 978-5-9906119-3-1

© Institute of History, Archaeology
and Ethnography of the Peoples
of the Far East FEB RAS.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие		6
Ващук А.С.	Социально-политические реформы и трансформация повседневных структур в Тихоокеанской России (1985–2015 гг.): результаты выполнения проекта (грант ДВО РАН № 15-I-9-009)	8
Савченко А.Е.	Типологизация российских реформ в мировом контексте	18
Коваленко С.Г.	Применение методов исторической психологии в изучении советской элиты	22
Коняхина А.П.	Протестные практики локального сообщества: подходы, методы, случаи (на примере Дальнего Востока России, 1985–2017 гг.)	28
Ковалевская Ю.Н.	Трансформация повседневных структур в период рыночных реформ: методы сбора материалов, эмпирического и теоретического обобщения	38
Крушанова Л.А.	Реформы правоохранительных органов как фактор трансформации деструктивных практик: проблемное поле и предварительные результаты	47
Ильина М.Г.	Реформа МВД России (2010–2012 гг.): основные направления	60
Федирко О.П.	Миссионерство – та же дипломатия: иностранные религиозные миссии в Амурской области в постперестроечный период	64
Волкова Е.С.	Художественные произведения дальневосточных авторов как источник изучения повседневности 1990-х гг.	71
Гороховская Л.Г.	Ментальное картирование как метод изучения повседневности (на примере Владивостока)	78

ПРЕДИСЛОВИЕ

Отдел социально-политических исследований в течение десяти последних лет выполняет фундаментальный проект «Общество и власть на Дальнем Востоке во второй половине XX – начале XXI вв.». Нами издано две книги 3-го тома «Истории Дальнего Востока России». В них представлена сложная и многомерная картина исторического и антропологического процессов на Дальнем Востоке в 1946–1991 гг., определены этапы эволюции регионального сообщества в условиях советской системы. В рамках трансформационного подхода проанализирована эволюция образа жизни дальневосточников от аскетического к потребительскому типу. Определено, что историческая миссия Дальнего Востока в национальных масштабах (форпост страны, полигон политического прагматизма, поставщик сырья), сохраняя свою сущность, видоизменялась под воздействием геополитических и модернизационных вызовов. Выявлены основные тренды развития и деструкции общественных отношений, региональной политической элиты и народонаселенческих процессов. Показаны формы бюрократических практик, гражданского участия, нормативные и альтернативные модели культуры. Вскрыты противоречия феномена советскости.

Работая над четвертым томом этого фундаментального труда (в хронологии конца 1980-х – 1990-е гг.), особенно при анализе состояния дальневосточного сообщества в годы перестройки, мы столкнулись с рядом проблем как методологического, так и источникового характера. Необходимо было преодолеть возникающие сложности при изучении совсем недавнего прошлого, особенно важным было найти дополнительные методологические «отмычки», которые бы позволили преодолеть имеющиеся у членов авторского коллектива идеологические симпатии/антипатии, вызывающие элементы субъективизма как следствие личного опыта. В числе прочих направлений мы обратились к эвристическому потенциалу парадигмы повседневности, чтобы дополнительно собрать и проанализировать альтернативные типы источников, которые вряд ли могут появиться в рамках постсоветского делопроизводства. Мы надеемся, что накопленные нами материалы станут хорошей источниковой базой для будущего поколения историков-регионоведов.

Целью проекта «Социально-политические реформы и трансформация повседневных структур в Тихоокеанской России (1985–2015 гг.)» являлось получение новых знаний о социальных и политических процессах, протекавших в Тихоокеанской России в годы позднесоветских и радикально-либеральных реформ. Участникам проекта предстояло разработать концепцию изучения жизненного опыта дальневосточников, испытавших сначала разочарования от реформ перестройки, а затем и шок от последующего радикального социально-политического курса, в результате чего произошел выход на измененный уровень повседневности.

Объявленные в заявке научные задачи

1. Исследовать реализацию реформаторского курса на региональном уровне (мотивы принятия решений на разных уровнях власти, интересы и противоречия).
2. Изучить практики адаптации населения в условиях радикальных реформ на пересечении личной жизненной траектории и развивающейся социальной структуры.
3. Изучить практики гражданской активности как одной из поведенческих стратегий населения в период перестройки и последующих реформ.
4. Исследовать миграционное поведение населения в новых социальных реалиях.
5. Проанализировать деструктивные формы социального поведения в условиях общественного кризиса.

10 октября 2017 г. в Институте истории, археологии и этнографии ДВО РАН состоялся круглый стол, в котором приняли участие как участники грантового проекта, так и другие исследователи, интересующиеся теорией повседневности, ее потенциалом для понимания состояния общества в условиях кризиса, слома советских ценностей и стандартов жизни. Вместе с этим некоторые выступления раскрывали не только данную конкретную проблематику, но и общий исторический фон изучаемой эпохи. Мы благодарны коллегам из ИИАЭ ДВО РАН и ДВФУ, принявшим активное участие в дискуссии. Материалы этого круглого стола представлены в данном сборнике.

Руководитель проекта, доктор исторических наук А.С. Вашук

УДК: 947.088 (571.6) «1985/2015»

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕФОРМЫ И ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОВСЕДНЕВНЫХ СТРУКТУР В ТИХООКЕАНСКОЙ РОССИИ (1985-2015 гг.): РЕЗУЛЬТАТЫ ВЫПОЛНЕНИЯ ПРОЕКТА (Грант ДВО РАН № 15-I-9-009)

Ангелина Сергеевна ВАЩУК,

доктор исторических наук, профессор, зав. отделом социально
политических исследований Института истории, археологии
и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток.
E-mail: va_lina@mail.ru

В докладе представлены итоги трехлетней деятельности творческого объединения исследователей в рамках парадигмы истории повседневности. Определены объединяющие идеи, которые, несмотря на дискуссионность ряда аспектов, позволили сформулировать общую платформу – концепцию усложнения дальневосточного сообщества и неустойчивости сферы повседневности в годы реформ. Итоги выполнения проекта раскрывают траектории изменения дальневосточного общества и практики поведения населения в ключевых и/или наиболее проблемных сферах: труд и потребление, формирование неравенства, общественная солидарность и социальный протест, взаимоотношения мигрантов и принимающего сообщества, маргинальные и криминальные слои и правоохранительные органы.

Ключевые слова: методы исторической науки, повседневность, Тихоокеанская Россия.

THE RESULTS OF IMPLEMENTS OF THE PROJECT “SOCIO-POLITICAL REFORMS AND TRANSFORMATION OF EVERYDAY STRUCTURES IN THE PACIFIC RUSSIA” (1985–2015). (GRANT OF FEB RAS NO 15-I-9-009)

Angelina Vaschuk,

Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, FEB RAS, Vladivostok, Russia. E-mail: va_lina@mail.ru

The account represents the results of three-year activity of a creative union of researchers in the limits of the everyday history paradigm. There were defined united ideas that despite the discussion character of some the general platform – concept of complication the Far Eastern society and instability of the everyday sphere during the reform years. The results of implement of the project reveal the trajectory of changing the Far Eastern society and practices of population behavior – in key and/or the most problematic spheres: labor, and consumption, forming social inequality, marginal and criminal strata and law and order bodies.

Keywords: methods of historical sciences, daily occurrence, the Pacific Russia.

Участники проекта

- А.С. Ващук
- А.Е. Савченко
- Ю.Н. Ковалевская
- А.П. Коняхина
- Н.В. Заровнева

Приглашенные соавторы:

Е.Н. Чернолуцкая, Г.Г. Ермак, О.Е. Шишкина

Сегодняшний круглый стол мы посвящаем подведению итогов, которые мы смогли получить за три года, работая по гранту **«Социально-политические реформы и трансформация повседневных структур в Тихоокеанской России (1985-2015 гг.)»**.

Поставленная нами проблема актуализируется основным вопросом исторической науки, а именно: насколько возможно исследовать события при очень близком историческом горизонте, то есть совсем недавнее прошлое. Приступая к проекту, мы уже знали, что большинство источников не будут сохранены в архивах, а те, что все-таки отложатся, вряд ли смогут раскрыть состояние дальневосточного сообщества в условиях кризиса и выхода из него. И действительно, работа с источниками в государственных архивах (ГАПК, ГАХК, ГААО) это подтвердила.

Если реконструкция картины хода реформ в регионе и их реализации на местах базируется на официальных документах и статистке, естественно, за исключением ряда аспектов, то процесс их влияния на жизнь простых людей невозможно изучить без привлечения альтернативных типов источников. Собрав материал для количественного измерения социальных реформ, например, их влияния на уровень жизни дальневосточников, динамику новых форм собственности, численности занятых и безработных мы пошли по пути сбора документов устной истории (это интервью, сочинения, анкетирование и другие виды полевых материалов), избрав методологию повседневности для анализа собранного материала. В своей совокупности разные типы источников дают прекрасную пищу для размышлений о сущности социально-политических и антропологических процессов в российских регионах в период радикальных социально-политических реформ.

Возникновение истории повседневности как самостоятельного направления в изучении прошлого является одной из составляющих так называемого «историко-антропологического поворота» в гуманитарной мысли Запада. Это проявилось достаточно ярко еще в конце 60-х гг. XX в. Отечественные гуманитарии быстро включились в эту научную программу. За прошедшие 50 лет зарубежными и отечественными учеными был накоплен богатейший исследовательский опыт. Актуальные вопросы повседневности ставятся специалистами многих дисциплин в самых разных областях жизнедеятельности человека. Перед участниками проекта стояла цель: разработать концепцию изучения опыта человека, проживающего в регионе и испытавшего шок радикальных социально-политических реформ и трудности обустройства, или, наоборот, добившихся успеха в новых социально-политических условиях.

Известный исследователь повседневного и жизненного мира австрийский философ Альфред Шюц (Шютц) отмечал: «Повседневность как бы и во все не замечается людьми, словно воздух, которым дышишь. Только жизненный мир при всех иллюзиях обладает непосредственной достоверностью» [21, с. 129].

Наша группа сосредоточила свое внимание на решении задач, которые бы ответили на следующие вопросы: Что же происходило с людьми и в целом с сообществом, когда рушились сложившиеся практики повседневной советской реальности, типологические каноны государственного патернализма? Если выразиться языком Алексея Юрчака, «советскость или советская система — это конфигурация социально-культурных, политических, экономических, юридических, идеологических, официальных, неофициальных, публичных, личных и других видов отношений, институтов, а также идентификаций и смыслов, из которых складывается пространство жизни граждан» [22, с. 36-37].

Учитывая хронологические рамки проведения реформ, мы попытались найти ответ и на другой вопрос: что дает человеку либеральная социальная политика и как ведет себя человек в трансформирующемся политическом пространстве и в обществе потребления? Пытались также найти ответ на вопрос: каковы проблемы дальневосточного социума, в ряды которого постоянно вливаются трудовые мигранты из разных государств? Анализируя разные комплексы источников, мы установили главное: в повседневной жизни общества постоянно осуществляется самоанализ, хотя это не всегда фиксируется и находится на поверхности. Изучение этого самоанализа дает возможность глубже оценить влияние реформ на состояние людей, проживающих в регионах, определить коллективное самочувствие.

НАШИ ПУБЛИКАЦИИ

- **Ващук А.С.** Формирование многоукладности в дальневосточном селе (конец XX - начало XXI вв.) // Ойкумена. 2015. №4)
- **Ващук А.С., Ермак Г.Г.** Принимающее сообщество и трудовые мигранты на российском Дальнем Востоке: междисциплинарный анализ исторической ситуации начала XXI // Региональные проблемы. Биробиджан, 2016. Т.19. №4.
- **Ващук А.С.** Развитие предпринимательства на железнодорожном транспорте и в портовом хозяйстве Хасанского района Приморского края в конце XX – начале XXI вв. // Региональные проблемы. 2017. Т.20, №3. С. 39-49.
- **Ковалевская Ю.Н.** «Эпоха перемен» (1985-2000 гг.) как обыденный опыт, причем опираясь на анализ одного сочинения // Ойкумена. 2015. №4.

Три года мы также отслеживали развитие историографической ситуации в избранной области. Практически во всех опубликованных нами статьях и прочитанных докладах дается анализ вклада предшественников. Этот исследовательский момент был очень важен для осуществления проекта. Установлено, что сегодня существует множество подходов к определению повседневности. Как сказал известный социолог М.К. Горшков: «Объяснений рассматриваемому феномену нет числа» [8, с. 36]. Я не буду сейчас приводить список работ и разные определения, позволю себе выделить двух авторов – Н.Л. Пушкареву и Г.В. Жигунову, которые проделали огромную работу по анализу трактовок этого понятия и близких к нему категорий [9; 20].

Даже в нашем маленьком коллективе выявился некоторый плюрализм подходов и определились свои методологические предпочтения. Однако участников проекта все-таки объединяла идея немецкого ученого А. Людке: «Центральным в анализе повседневности являются жизненные проблемы тех, кто в основном остались безымянными в истории. Индивиды в таких исследованиях предстают и действующими лицами, и творцами истории, активно производящими, воспроизводящими и изменяющими социально-политические реалии прошлого и настоящего» [17, с.77].

В контексте житейской трактовки повседневность – это привычные, повторяющиеся формы жизнедеятельности человека, при которых происходит реализация его насущных потребностей [4; 5; 12; 13; 14]. Я пришла к выводу, что в коллективе сложился определенный консенсус, несмотря на предпочтения выбора того или иного авторитета-предшественника.

НАШИ ПУБЛИКАЦИИ

- **Ковалевская Ю.Н.** Социальные трансформации 199-х гг. как фактор формирования кризисной повседневности дальневосточников (по результатам полевых исследований) // Региональные проблемы. 2016. Т.19. №4. С. 109-116.
- **Ковалевская Ю.Н.** «Мы» и «те, кто выше»: траектории социального расщепления на постсоветском Дальнем Востоке (1985-2015 гг.) (Сдано в печать, ж. «Этносоциум»).

В интерпретации участников проекта повседневность чаще всего понимается как процесс жизнедеятельности индивидов, который разворачивается в общеизвестных ситуациях, в рамках определенных структур и практик на базе самоочевидных ожиданий. Повседневность можно понимать как такой «мир опыта», в котором человек эмпирически действует ради достижения своих целей, строит картину реальности, исходя из своего «я» как из субъективно ощущаемого центра, погружен в эмоции, занят трудовой деятельностью и размышляет об этом.

Если посмотреть на темы наших статей и докладов, то очевидно: выбор концептуальных «предпочтений» участниками проекта был определен двумя моментами: во-первых, ориентацией участника проекта на конкретные объекты повседневности, которые могут быть изучены в рамках исторической науки, во-вторых, исходными позициями, методикой, разработанной в формате следования той или иной школе или предшественнику.

В наших работах проводится коллективная мысль о том, что в условиях социально-политических реформ на первый план выходит отношение человека к собственности, работе и профессиональной деятельности, семейным коммуникациям, законам. Специфическую тему в формате методологии повседневности представляют проблемы деструктивных практик и девиантности, что отражено в публикациях Л.А. Крушановой. Этот участник проекта в своих концептуальных установках исходит из достижений классиков новой исторической школы, которые в структуры повседневности включают профессиональную деятельность, автор обращается к опыту работников МВД. В ее статьях повседневность трактуется как пространственно-временной континуум, наполненный вещами и событиями. Как писал Лелеко В.Д.: «...это жизнь деятельная, это мир действий и взаимодействий для достижения каких-то практических целей» [19, с.77].

В центре наших публикаций – концепция усложнения дальневосточного сообщества и неустойчивости сферы повседневности в годы реформ, которая во многом опирается на идеи современных авторов А. Юрчака и Н. Зарубиной [10; 11; 22]. Подчеркну, что главной реформой, определившей трансформацию структур повседневности, была приватизация. Процесс приватизации затронул всех, но его повседневные проявления зависели от индивидуальной ситуации. Нами изучались два блока материалов. Первый блок – документы по приватизации объективного характера. Это заявки на участие в аукционах, выбор модели приватизации предприятия (протоколы собраний, списки акционеров, материалы обсуждений уставов по акционированию, покупки акций и ваучеров), документы, отражающие появление новых специальностей, например, конкурсных управляющих по банкротству. Второй пласт – интервью и разные тексты, авторами, которых являются участники приватизации, представители разных профессий. Документы дают следующий ответ. Условно население Дальнего Востока делится на три группы. 1) Те, кто не принимал приватизацию и до сих пор яростно критикует её, но, тем не менее, бюрократическими процедурами был в нее вовлечен. 2) Идеалисты: это понятие говорит само за себя. 3) Прагматики – крайне пестрая группа. Анализируя приватизацию на основе концепции повседневности, на примерах Приморья и Приамурья удается констатировать, что люди жили разными ожиданиями от ее проведения и реализованными в различной степени [2; 3]. Анализ сельской повседневности Приморского края и Амурской области опирается на полевые материалы, в том числе документы семьи потомственных организаторов сельскохозяйственного производства Усов. (В 2015 г. в Амурской области сохранялся один из трех колхозов России – «Луч», который возглавил В.Ус).

Проведенная приватизация явилась усугубляющей причиной кризиса и роста рисков повседневности, фактором социального дискомфорта у дальневосточников. Это главная реформа, которая разорвала социальное пространство. При этом мы вполне солидарны с американским исследователем С. Коткиным в том, что у кризиса 1990-х гг. были и объективные причины – истощенность индустриального типа развития, которую несколько ранее пережили и другие страны [23, p.274].

В период модернизации в переживаниях дальневосточников значительное место занимала проблема миграций. Этот пласт «самоанализа» был поднят на поверхность с помощью интервью и соцопросов, вторичного анализа соцопросов, проведенных и другими учеными. Собранный полевой материал показывает, что переживания были связаны с двумя смыслами. Первый – с тревогой жителей Тихоокеанской России за собственную судьбу, например, осмысление процесса собственного переезда. Второй связан с присутствием в регионе иностранных трудовых мигрантов. В совокупности миграционное поведение коренного и приезжего населения вело к усложнению общества, вызывая к жизни новые повседневные практики; причем и местные жители, и приезжие критически оценивают российскую социальную и миграционную политику.

В целом наши исследования подтверждают вывод предшественников о том, что анализ проблемы повседневного, в частности, тех неявных элементов и детерминант, которые заключает в себе феномен жизненного мира

человека, требуют междисциплинарных подходов и привлечения разнообразных методологических принципов. А собранные данные микросоциального уровня, полученные в отдаленных и малодоступных регионах и помещенные в широкий общероссийский контекст, выявили макросоциальные значимые тенденции и некоторые особенности.

ФАКТОРЫ СПЕЦИФИКИ:

1. Отдаленность территории и суровые природные условия
2. Разрывы хозяйственных связей,
3. Удорожание стоимости жизни
4. Последствия концентрации моногородов
5. Временное забвение интересов дальневосточников Центром
6. Продолжительный период благих намерений государства развивать территорию и др.

Социально-политические реформы стали не просто быстрым, а реактивным переходом к измененной социальной стратификации в регионе.

Если рассматривать наши публикации и доклады как коллективный труд, то можно озвучить и некоторые другие выводы.

1) В изучаемый период дальневосточники, как и все россияне, прожив деградацию социального пространства, разрывы социальной ткани, в 2000-е гг. постепенно, но болезненно входили в мир гораздо более сложный, чем советский. В структурах повседневности до сих пор сохраняется понимание того, что в начальные годы реформ не осознавалась и не ценилась советскость, пока она не стала исчезать. Одним из источников историка XXI в. становятся материалы социальных сетей. Сегодня в них много текстов, посвященных советскости, например, под рубриками «Это сделано в СССР», «Посвящается детям 60-х, 70-х» и т.д. (см. рис. 1). Но здесь еще предстоит очень большая работа по методике отбора материала.

Рис. 1

2) Современные структуры повседневности потребительского общества – это модель, диаметрально противоположная советской, с понижением общего уровня гуманитарной составляющей и нарастающей конфликтностью. Хочу обратить ваше внимание на то, что в современной литературе конфликтное измерение повседневности стало разрабатываться совсем недавно. Акцент делается на изучении так называемых психоаналитических симптомов – внутренних конфликтов повседневного дискурса. Хочу процитировать В. Кореневу: «Одной из наиболее неразрешимых проблем современного повседневного мира является присутствие невыносимого соседства с Другим» [14]. Например, другим классом, другой нацией, другой политической системой и т.п. «Другой» – это часто «неправильный» в толковании респондентов («мигранты из зарубежья – все равно останутся чужими», «депутаты и чиновники – все равно думают только о себе»). Дальневосточное сообщество постоянно обновляется и усложняется под влиянием разных практик миграций. С одной стороны, оно нестабильно за счет убытия наиболее мобильной части, с другой – оно, будучи принимающим, само должно соблюдать регулярно обновляющееся законодательство и требовать этого же от приезжих. Таким образом, шло и продолжает идти накопление рисков в модернизированном дальневосточном сообществе [6; 4; 5]. В повседневности миграций «Другой» остается проблемой для коренного жителя. Но при этом повседневные дальневосточные практики в миграционной сфере крайне редко выходили за пределы бытовых разговоров и страхов и практически не выступали в форме проектов, программ, социального изменения. В регионе доминировали практики, которые образовывали своеобразные «свободные зоны», защищающиеся от институциональных давлений. В связи с этим можно заключить, что повседневность в условиях модернизации проявляется как частная, приватная жизнь, которая, прежде всего, наполняется тем, что имеет отношение к дому и семье.

Тем не менее для определенной группы людей повседневность все-таки выливается в публичную деятельность, это те, кто рассматривают политическую деятельность как жизненную стратегию и стиль всей своей жизни. Наши исследования подтверждают идею Н. Элиаса и М. Крома о том, что «...структура повседневности не обладает характером более или менее автономной особой структуры, но является составной частью структуры данного социального слоя и, – поскольку его нельзя рассматривать изолированно, – частью властных структур всего общества» [цит. по: 15, с.10].

То есть в пореформенном социальном пространстве повседневность может перетекать в политическое. Это наблюдается в обычном противостоянии партий, в интеллектуальном противоборстве не только их идеологов, но и неизвестных обществу последователей. Собранные интервью отражают, конечно же, наличие разных точек зрения простых людей на реформы, которые отличались и от позиций носителей властных отношений. Начиная с перестройки и до сегодняшнего дня, мы являемся свидетелями невероятного подъема разнообразных практик полемики. Дальневосточный регион не исключение. Эти практики – разновидность самоанализа, выражения смыслов и мифов, которые превращаются в один из безопасных выхлопов энергии и предотвращения социальных взрывов.

Несколько слов хочу сказать о публикациях и докладах А. Коняхиной. Поставив проблему изучения «общего блага», она обратилась к эвристическим достоинствам теории конструктивизма. Исследовательница показывает, что трансформацию общества возможно отследить через изучение повседневных «практик гражданства», проявления «субъектности» в публичном пространстве. Коняхина по-новому ставит вопрос о социальных проблемах дальневосточников, ссылаясь на Г. Блумера, и социальную проблему понимает «не как совокупность объективных условий, а именно как результат процесса коллективного определения» [1].

Хотелось бы сказать еще об одном научном результате. Для изучаемого периода было актуально проследить повседневные практики молодежи «под зонтиком» политических реформ. Надо сказать, что первоначально мы эту задачу не ставили, но в ходе формирования исследовательского поля поняли, как этот аспект важен для понимания состояния дальневосточного сообщества. В центр исторического исследования мы поставили проблему отношения к армии в целом и контрактной службе, в частности. Но здесь мы находимся еще в начале исследовательского пути.

В рамках теории повседневности мы пришли еще к одному важному выводу. Кризис и социальные реформы способствовали быстрому утверждению консьюмеризма в дальневосточном социуме. Дальневосточники всегда ориентировались на стандарты Центра – «жить как в Москве и других столичных городах», и идеология консьюмеризма на территории стала катализатором «оповседневнивания» коммуникативного пространства культуры [18].

В пореформенное время в дальневосточном обществе очень быстро идет поляризация структур повседневности. С одной стороны, распространяется «демонстративное потребление» (престижное, показное, статусное потребление, появление закрытых клубов и мероприятий, дресс-кодов). Чего стоит распространение и увлечение журналами «Дорогое удовольствие» (см. рис. 2) и «Face Control».

Рис. 2

Но, с другой стороны, среди населения, особенно в районах и глубинке, шло распространение популярности «рынков дешевых китайских товаров» с предлагаемой сферой обслуживания и проведения досуга.

Таким образом, можно сказать, что в целом результаты наших исследований находятся в общем тренде современной социальной истории, и мы достигли своей цели: сформировали исследовательское поле в рамках заявленной проблемы, которое позволяет охарактеризовать состояние дальневосточного сообщества. К концу первого десятилетия XXI в. в социуме сохранялось состояние тревоги, наличие тенденций разочарований результатами реформ, это важнейшие последствия социального шока, вызванного социально-политическими реформами. Выход из него шел по пути реализации ценностей потребительского общества со всеми его трудностями и новым набором рисков.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Блумер Г. Социальные проблемы как коллективное поведение / пер. И. Ясавеева // Контексты современности-II: Актуальные проблемы общества и культуры в западной социальной теории: хрестоматия / сост. и общ. ред. С. А. Ерофеева; 2-е изд., доп. и перераб. Казань: Изд-во Каз. ун-та, 2001. (Программа TEMPUS (TACIS)). С. 150–159.
2. Вашук А.С. Развитие предпринимательства на железнодорожном транспорте и в портовом хозяйстве Хасанского района Приморского края в конце XX – начале XXI вв. // Региональные проблемы. 2017. Т. 20, № 3. С. 39–49.
3. Вашук А.С. Формирование многоукладности в дальневосточном селе (конец XX – начало XXI в.) // Ойкумена. 2015. № 4 (35). С. 7–19.
4. Вашук А.С., Ермак Г.Г. Принимающее сообщество и трудовые мигранты на российском Дальнем Востоке: междисциплинарный анализ исторической ситуации начала XXI в. // Региональные проблемы. Биробиджан, 2016. Т. 19. № 4. С. 117–124.
5. Вашук А.С., Ермак Г.Г. Трудовые мигранты на российском Дальнем Востоке: между рынком, формирующимся гражданским обществом и этнокультурными традициями // Современные проблемы регионального развития: тезисы международ. науч. конф. Биробиджан: ИКАРП ДВО РАН – ФГБОУ ВПО «ПГУ им. Шолом-Алейхема», 2016. С. 364–367.
6. Вашук А.С., Шишкина О.Е. Законопослушность иностранных трудовых мигрантов в Тихоокеанской России: Опыт междисциплинарного анализа // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. Вып. 12 / РАН. ИНИОН. Отд. науч. сотрудничества; отв. ред. В.И. Герасимов. М., 2017. Ч. 3. С. 97–102.
7. Вашук А.С., Шишкина О.Е. Состояние административной деликтности в сфере миграции в 2010–2014 гг. (на материалах Приморского края и Амурской области) // Азиатско-Тихоокеанский регион: Экономика, политика, право. 2015. № 3 (36). С. 90–100.
8. Горшков М.К. Российская повседневность в условиях кризиса: социологическое измерение // Социологические исследования. 2009. № 12. С. 36–47.
9. Жигунова Г.В. Повседневность как социальный феномен // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). 2015. № 8 (52). С. 56–71.
10. Зарубина Н.Н. Повседневность в контексте социокультурных трансформаций российского общества // Общественные науки и современность. 2001. № 4. С. 52–62.
11. Зарубина Н.Н. Риски повседневности в сложном социуме: опыт российских модернизаций в XX веке // Вестник МГИМО-Университета. 2012. № 3. С. 153–161.
12. Ковалевская Ю.Н. Социальные трансформации 1990-х годов как фактор формирования кризисной повседневности дальневосточников (по источникам личного характера) // Современные проблемы регионального развития: тезисы международ. науч. конф. Биробиджан: ИКАРП ДВО РАН – ФГБОУ ВПО «ПГУ им. Шолом-Алейхема», 2016. С. 405–408.

13. Коняхина А.П. «Общее благо» в представлениях и протестных практиках дальневосточников (1985–2015 гг.) // Современные проблемы регионального развития: тезисы международ. науч. конф. Биробиджан: ИКАРП ДВО РАН – ФГБОУ ВПО «ПГУ им. Шолом-Алейхема», 2016. С. 402–405.
14. Корнева В. Идеология повседневности // Социологические исследования. 2009. № 12. С. 36–47.
15. Кром М.М. Повседневность как предмет исторического исследования (вместо предисловия) // История повседневности: сб. науч. работ / отв. ред. М.М. Кром. СПб., 2003. С. 7–14.
16. Крушанова Л.А. Взятка как историко-социальное явление в 1985–2005 гг. (на материалах российского Дальнего Востока) // Современные проблемы регионального развития: тезисы международ. науч. конф. Биробиджан: ИКАРП ДВО РАН – ФГБОУ ВПО «ПГУ им. Шолом-Алейхема», 2016. С. 409–412.
17. Людке А. Что такое история повседневности? Ее достижения и перспективы в Германии // Социальная история: ежегодник. 1998–1999. М., 1999. С. 77–100.
18. Мостицкая Н. Феномен «оповседневнивания» коммуникативного пространства культуры: признаки и механизмы // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. Кемерово, 2016. № 36. С. 119–126. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=27310196> (дата обращения: 10.09.2017).
19. Пространство повседневности в европейской культуре. СПб.: Санкт-Петербургский гос. ун-т культуры и искусств, 2002. 320 с. URL: <http://www.twirpx.com/file/461703> (дата обращения: 10.09.2017).
20. Пушкарева Н.Л. История повседневности как направление исторических исследований. URL: <http://www.perspektivy.info/print.php?ID=50280> (дата обращения: 10.09.2017).
21. Шюц А. Структура повседневного мышления / пер. с англ. Е.Д. Руткевич // Социологические исследования. 1988. № 2. С. 120–136.
22. Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. М.: Новое литературное обозрение, 2017. 664 с.
23. Kotkin S. Armageddon Averted. The Soviet Collapse 1970–2000. Oxford University Press, 2003. 288 p.

УДК: 930.8

ТИПОЛОГИЗАЦИЯ РОССИЙСКИХ РЕФОРМ В МИРОВОМ КОНТЕКСТЕ

Анатолий Евгеньевич Савченко,

кандидат исторических наук, зам. директора Института истории,
археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН,
Владивосток. E-mail: savich21@mail.ru

На основе сравнительно-исторического подхода показано, что российские реформы 1990-х гг. имеют типологическую близость с аналогичными процессами в странах Латинской Америки.

Ключевые слова: Россия, Латинская Америка, либеральные реформы, сравнительно-исторический подход.

TYPOLOGIZAION OF RUSSIAN REFORMS IN THE WORLD CONTEXT

Anatoliy Savchenko,

Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far
East, FEB RAS, Vladivostok, Russia. E-mail: savich21@mail.ru

On the basis of the comparative-historical approach, it is shown that the Russian reforms of the 1990s have a typological similarity with the resemblant processes in Latin American countries.

Keywords: Russia, Latin America, liberal reforms, comparative-historical approach.

Данная статья призвана показать, почему вообще имеет смысл обратиться к сравнительному исследованию новейшей исторической траектории России; каких ловушек и упрощений это поможет избежать, и на какую перспективу это может нас вывести в понимании того, что же с нами, а главное – не только с нами, случилось во второй половине – конце XX в.

Отдел социально-политических исследований плотно занимается темой социальных трансформаций последние пять лет, с 2012 г. За это время мы немало поездили по Дальнему Востоку, по малым городам и сельской местности. Одно из главных впечатлений – это колоссальное разрушение экономической основы существования большей части территорий, которые мы посетили. Это то, что заслоняет наметившиеся редкие ростки развития. Визуальные свидетельства впечатляющего экономического регресса, упрощения и растраты потенциала, созданного в период советской догоняющей модернизации повсеместны. Руины завода, совхоза, тепловой электростан-

ции, в общем, всего того, что связано с производством и производственной же инфраструктурой, – привычная часть облика большинства провинциальных городов и посёлков. Можно пойти другим путём и вспомнить наугад три-четыре популярных советских марки, неважно чего: часов, радиоприемников, стиральных машин или одежды – какие из них существуют сегодня? В большинстве случаев – никакие. Отсюда возникает вопрос: как интерпретировать произошедшее?

Задача усложняется самим масштабом катастрофы, в которой оказались переплетены сразу несколько масштабных кризисов. Коллапс Советского Союза был «слишком большой», чтобы найти ему какое-то всеохватывающее и непротиворечивое объяснение [1, с. 3–13]. Его можно вполне убедительно описать по каждой из нижеследующих линий:

- а) падение коммунистического режима (идеологическая интерпретация);
- б) территориальный и системный распад государства (политическая интерпретация);
- в) коллапс плановой экономики (экономическая интерпретация);
- г) закат последней территориально интегрированной империи, проигравшей конкуренцию с США (геополитическая интерпретация).

Но какие именно из этих четырёх кризисов определили тот тип реформирования и их социальные последствия, которые мы имеем в России? На этот вопрос пока нет убедительного ответа. Отчасти потому, что сам масштаб события (я имею в виду коллапс коммунистической системы и распад СССР) и его многомерность, как правило, завораживают нас и направляют наши исследования по тому пути, на котором мы сосредотачиваемся на его уникальности, на последствиях для нашей страны и всего мира. Типологизация, в свою очередь, даёт возможность посмотреть на этот процесс «сверху» – панорамно, и найти релевантные примеры для сравнения.

Общий вопрос, который до сих пор остался без ответа, – в какую часть исторического пространства нас отнесло в результате всего пережитого за последние тридцать лет? Мы тут и там натываемся на примеры, которые толкают на контрфактические суждения: с одной стороны, мы видим, ту же Белоруссию, которая, выпав из СССР, избежала неолиберальных реформ, с другой – Китай, в котором неолиберальное реформирование постепенно разворачивается при сохранении коммунистической партии у власти. Одно не исключало другое. При этом неолиберальные реформы превратились во всемирный процесс. И вполне возможно, даже если бы СССР не распался, а коммунистическая партия сохранила бы власть, то эти реформы в том или ином виде всё равно бы произошли. Вопрос именно в разных последствиях реформ для разных частей мира.

В российской историографии налицо дефицит типологизации и сравнительного исследования произошедшей с нашей страной трансформации. Это даже не дефицит, а, можно сказать, настоящая потребность в заполнении исследовательского пробела, для понимания реальных причинно-следственных связей того, что с нами произошло. Давайте попытаемся оглядеться – что происходило в последней четверти XX в. за пределами советского, а позже постсоветского пространства.

Мы увидим целый ряд государств, которые прошли траектории, очень схожие с российской, если исключить из анализа такие параметры, как гео-

политика и идеология. Если мы отвлечемся от того, что в первую очередь привлекает наше внимание (я имею в виду такие «большие» события, как коллапс коммунизма, распад Советского Союза), то увидим, что, например, СССР, Бразилия и Аргентина в течение последней четверти XX в. прошли почти идентичную логику развития и пережили похожие кризисы.

Эти две латиноамериканские страны примерно с начала 1930-х гг. начали сознательный переход от экономики, базировавшейся на аграрном экспорте, к построению самодостаточного и относительно закрытого от внешнего рынка индустриального сектора. Это привело к накоплению издержек развития, связанных с ограниченностью внутреннего рынка и неэффективностью защищённых государством крупных вертикально-интегрированных холдингов.

О том, насколько уместны параллели, можно видеть на примере Бразилии. Причем эту параллель можно вести с первой половины XX в. В послевоенный период Бразилия, вышедшая с окрепшей на военных заказах экономикой, приняла «Целевой план» президента Жуселину Кубичека «50 за 5», то есть предполагалось такое ускорение развития, которое позволит дистанцию в 50 лет пробежать за 5 [2, с. 48]. После установления военной диктатуры в 1964 г. возникла другая программная установка: «Бразилия – великая держава к 2000-му году». Здесь затевались грандиозные проекты, очень похожие на советские: Трансамазонское шоссе (сравните со строительством Байкало-Амурской магистрали), разработка межконтинентальной баллистической ракеты, собственной подводной лодки, программы вооружений. Экономика всё это время довольно быстро росла под опекой государства и за счёт дешевых международных займов. В итоге Бразилия к середине 1980-х г. создала один из самых закрытых рынков мира, 70% экономики относилось к государственному сектору, а внешний долг Бразилии в 1982 г. составлял 90 млрд. долл.

Смысл, конечно, не в том, чтобы подмечать похожие черты, но в том, чтобы увидеть общий тренд: и СССР, и Бразилия были вписаны в конъюнктуру мирового рынка, прежде всего – нефтяного. Первый получал сверхдоходы от нефти, вторая – дешевые международные кредиты. То есть это государства, которым, казалось бы, не хватало лишь решительного усилия, чтобы одним прыжком догнать самые передовые страны Запада, они специально создали бюрократические системы ускоренного развития. В итоге в этих странах была создана плохо контролируемая, непрозрачная бюрократическая экономика, при этом очень сильно зависимая от конъюнктуры мирового рынка. С середины 1970-х гг. все эти экономики вошли в фазу тяжелой стагнации. Здесь даже есть примечательная параллель в терминологии. Если в СССР перемены начались с «гласности», которая, по словам Е. Лигачева, должна была высветить главные проблемы страны, то в Аргентине с 1978 г. берет начало политика, которой само государство дало название “*sinceramiento*”, что может быть переведено как «сделать экономику искренней, настоящей», что в аргентинском случае означало радикальное сокращение протекционистских мер со стороны государства [3, с. 10].

Здесь я хотел бы высказать главный свой тезис о том, что идеи неоллиберальных реформ очень хорошо легли на внутренние проблемы государств ускоренного развития. Сокращение участия государства в экономике, парал-

тельное уменьшению и социальных обязательств, было естественным ответом на те трудности, которые порождала выращенная под опекой бюрократии и заградительных пошлин экономическая система этих стран.

И в СССР, и в Бразилии, и в Аргентине преобразования начинались в рамках старых политических режимов, и утрата власти произошла, если не вследствие, то в ходе реформ. Неолиберальную программу реформирования бы вообще не связывал с переменами во власти, она вырастала естественно, как ответ на возникшие трудности в этих странах (см. табл. 1).

Таблица 1

Начало политической, экономической и административной децентрализации в России, Бразилии и Аргентине

Страна	Политическая децентрализация	Финансовая децентрализация	Административная децентрализация	Год утраты власти правящей группой
СССР/Россия	1989–1990-е	1990-е	1990-е	1991
Бразилия	1980–1982, 1988	1983, 1988	1988	1985
Аргентина	1994–1996	1988	1978	1983

Для Латинской Америки в социальном плане именно сумерки авторитаризма стали наиболее благополучным периодом. В 1980 г. душевой доход в среднем по этому региону достиг 30,3% от американского, через девять лет он опустился до 23,6%, и к лучшим своим показателям он больше не приближался [4, с. 57]. К началу 1990-х гг. уровень индустриализации аргентинской экономики вернулся к уровню 1940-х гг., бразильской – к 1960-м гг., составляя 29%.

При этом Россия и страны Латинской Америки переживали принципиально разные трансформации: Аргентина и Бразилия меняли структуру, в то время как Россия была вынуждена менять систему, переходя от социализма к капитализму. Но это не имеет принципиального значения при сопоставлении траекторий и логики развития реформ и даже их главных последствий.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Barnes A. Three in one. Unpacking the “Collapse” of the Soviet Union // Problems of Post-Communism. 2014. September-October. Vol. 61, №. 5. P. 3–13.
2. Villela A. A bird’s eye view of Brazilian industrialization // The Economies of Argentina and Brazil. A Comparative Perspective. Edward Elgar, Cheltenham, UK, Northampton, MA, US 2011. P. 38–65.
3. Kosacoff B. Industrial development in Argentina // The Economies of Argentina and Brazil. A Comparative Perspective... P. 3–37.
4. Клочковский Л. Новые тенденции мирохозяйственного развития и Латинская Америка. // Мировая экономика и международные отношения. 2016. Т. 60. № 4. С. 48–60.

УДК: 947.088(571.6)

ПРИМЕНЕНИЕ МЕТОДОВ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ В ИЗУЧЕНИИ СОВЕТСКОЙ ЭЛИТЫ

Светлана Геннадьевна Коваленко,

кандидат исторических наук; старший научный сотрудник отдела социально-политических исследований Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток.

E-mail: ostina@list.ru

В статье рассматривается спектр мнений правящей элиты Дальнего Востока относительно своей внутренней трансформации в эпоху кардинальных социально-экономических перемен. Автор анализирует позиции указанной социальной группы, основываясь на теории Р. Миллса и его определении властвующей элиты как «отчасти совпадающих групп», которые возглавляют основные политические, экономические и военные институты современного общества. Также в фокусе внимания находится понятие самоидентификации, означающее устойчивое отождествление себя с какой-либо (большой или малой) социальной группой или общностью, принятие ее целей и системы ценностей, осознание себя членом этой группы или общности. Делается вывод о том, что именно от самоидентификации элиты во многом зависела реальная ситуация на Дальнем Востоке, жизнь и благополучие людей в то время. Особенно это проявлялось в кризисные моменты «лихих 90-х», когда возможности для реализации стратегий выживания были ограничены.

Ключевые слова: элита, Дальний Восток, трансформация, управление, регион, эпоха Б.Н. Ельцина, кризис.

APPLICATION OF THE HISTORICAL PSYCHOLOGY METHODS IN THE SOVIET ELITE STUDY

Svetlana Kovalenko,

Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, FEB RAS, Vladivostok, Russia. E-mail: ostina@list.ru

The article considers the spectrum of opinions of the ruling elite of the Far East regarding their internal transformation in the era of cardinal social and economic changes. The author analyzes the positions of this social group, based on the theory of R. Mills and his definition of the ruling elite as “partly coincident groups” that lead the main political, economic and military institutions of modern society. Also, the focus of attention is the concept of self-identification meaning a stable identification of oneself with any (large or small) social group or community, the acceptance of its goals and value system, the recognition of oneself as a member of this group or community. It is concluded that it was from the elite’s self-identification that the real situation in the Far East, the life and well-being of people at that time depended to a great extent. This was especially evident during the crisis moments of the “dashing 90s”, when the opportunities for implementing survival strategies were limited.

Keywords: elite, Far East, transformation, management, region, epoch Yeltsin, the crisis

Особую роль в кризисном социуме России 90-х гг. XX в. играли ценностные ориентации тех личностей, которые относились к властвующей региональной элите. Понимание своего «я», мотивов и побуждений – ключ к решению многих личных проблем в моменты общественного выбора. Самоидентификация элиты на кризисных этапах развития общества и государства имеет колоссальное значение. Именно поэтому данный аспект применительно к бывшей советской элите, вошедшей в «лихие 90-е», остается чрезвычайно актуальным и по сей день. Ведь ключевая роль в любых точках бифуркации (выбора) дальнейшего развития общества принадлежит элитам [8]. Это происходит вовсе не потому, что к ним относится самая активная, профессионально подготовленная и компетентная часть общества. Исторический опыт показывает, что все вышеназванное с лихвой компенсируется доступом к властным ресурсам, при этом наличие упомянутых качеств вовсе не является обязательным.

От того, какой выбор делает указанная социальная группа в целом и каждый ее представитель в отдельности, во многом зависит организация жизни всех остальных групп населения. Шанс «простых людей» выжить и адаптироваться к сложным меняющимся условиям, когда все структуры советской системы были уже разрушены, а новые властные отношения находились в процессе своего формирования фактически до начала 2000-х гг., во многом зависел от практических действий элиты, а опосредованно – от её самоидентификации.

Кардинальные социально-экономические трансформации в жизни страны, инициированные перестройкой, привели Россию к совершенно новому витку государственного развития. Но это мало отразилось на составе региональной элиты. Теория Р. Милса и российские методологические исследования обосновывают тезис о единой властвующей элите, а не о «распылении власти» [3; 4, с. 7–14; 6; 7].

На региональном уровне управленческой системы деятельность местных элит в 1990-е гг. была особенно значима. Такие устойчивые факторы российского политического пространства, как централизация и персонализация власти, влияние «столичной» политической жизни на регионы, слабость негосударственных субъектов политики, зависимость средств информации от власти делали региональную элиту ведущим «игроком» на местной политической арене [1; 2].

Страх людей за свое настоящее и будущее, потеря управляемости на всех уровнях позволили правящей элите, в том числе и региональной, сосредоточить в своих руках большой объем властных полномочий. Вопрос заключался только в том, как ими воспользоваться. Либо попытаться действовать вопреки трудностям, либо плыть по течению, объясняя свою некомпетентность, бездействие и злоупотребления наличием «объективных обстоятельств», «отсутствием ресурсов» и т.д.

Наше исследование проводилось методом глубинного интервью, во время которого респондентам были заданы вопросы о том, как они идентифицировали себя в кризисный момент российской истории. Было проведено 25 гайд-интервью с управленцами разного уровня во Владивостоке, в ходе чего удалось выявить ценностные установки элиты в эпоху кардинальных перемен. Выбор респондентов основывался на их опыте участия в советской управленческой жизни. Возраст младшего участника – 60 лет.

Все респонденты были предупреждены заранее о характере интервьюирования. В ходе беседы выяснилось, что никто из респондентов не готовился к ней заранее. Так как встречи происходили благодаря личным знакомствам автора, никто не выразил удивления откровенным характером задаваемых вопросов. Наоборот, как сказал один из респондентов, «... если есть честный вопрос, то будет и честный ответ».

Определяющим в самосознании респондентов являлось то, что их всех объединяла «советская закваска» (термин одного из интервьюированных). На вопрос о понимании ими этого понятия собеседники отвечали, что практически все, кто был управленцами к началу 1990-х гг., прошли очень схожий путь во власть и «исповедовали одну систему ценностей».

Очень важно отметить, что в ходе бесед выявился ряд общих базовых мировоззренческих установок по вопросу самоидентификации. Все участники опроса отметили, что они остались коммунистами, причем большинство из них (18 чел.) подчеркнули, что соотносят себя с «ортодоксальным марксизмом», 7 чел. также высказались в поддержку марксистских взглядов, но, по их мнению, это учение потребовало с определенного времени совершенно другого отношения: «Марксизм в советское время плохо теоретически развивался, застыл, особенно при Суслове, отсюда и большинство проблем нашей страны. Все при Брежневе застыло, а это неправильно».

Общим было и суждение, что «недостаточно одной перестройки, чтобы перестать быть марксистом», «большинство людей в мире понимают, что марксизм верно анализирует все происходящие экономические процессы и никто капитализма не отменял, а вопросы собственности играют сейчас, как и во все времена, ключевую роль. Чем более напряженной будет обстановка в мире, тем больше будет интерес к марксизму».

Таким образом, самоидентификация всех опрошенных, несмотря на мировоззренческий кризис в обществе, в первую очередь осталась марксистской. Для них это политическое учение олицетворяло идею социальной справедливости, так как, «если один владеет собственностью, а другой ничего не имеет, то ни о какой социальной справедливости не может быть и речи. ... Одни всегда для других будут „быдлом“, никогда не будет равных возможностей». Все респонденты подчеркнули, что хотя первые лица края, города и государства в советское время пользовались своими должностными привилегиями, «но, во-первых, им лично ничего не принадлежало, а во-вторых, таких денег и имущества, какие есть теперь у государственных чиновников высокого ранга, тогда вообще не было ни у кого».

Что касается научного понимания марксистского учения, то здесь только один опрошенный последовательно мог объяснить его ключевые понятия и философскую основу. Будучи доктором технических наук, этот респондент написал книгу, где при помощи математического аппарата доказал правоту Маркса.

Для всех остальных, как выяснилось, подобные научные выкладки не представляют большого интереса. Фактически 50% респондентов не отрицают существования бога, то есть, по сути, не являются материалистами. Однако это вовсе не мешает им причислять себя к марксистам. Как выразилась одна из женщин, «очень много схожего между идеями справедливого общества в христианстве и марксизме. Недопустимо, чтобы одни купались в роскоши, а другие умирали с голоду. Марксизм предлагает путь построения справедливого общества».

Все опрошенные, в отличие от творческой интеллигенции, сохранили свой партийный билет, так как, по общему мнению, никто из них в советское время «не сделал ничего плохого».

Важной составляющей самоидентификации, на взгляд опрошенных, является личная позиция относительно истории страны. Фактически все социальные проблемы, присущие сегодняшнему общественному устройству (который респонденты характеризовали как «оголтелый капитализм», «государственно-монополистический капитализм», «рыночный беспредел» и т.д.), они приписывают неправильному выбору пути развития России. Целью любого государства должно быть справедливое общественное устройство. В большинстве ответов сознательно подчеркивался тот факт, «что большинство высокоразвитых капиталистических государств у себя увеличивают долю общественной собственности». В то время как «мы опять идем впереди планеты всей, и государство все меньше отвечает за что-либо. А создавалась собственность в советское время всеми. Почему сейчас дивиденды должен получать один процент населения?».

Для советской управленческой культуры характерным было не получение соответствующего образования, а приобретение основательного руководительского опыта, «практической управленческой деятельности». Это было подчеркнуто всеми респондентами: «мы получали образование, в т.ч. и управленческое, в процессе практической работы». По мнению автора, высокая социальная адаптация опрошенных во время кризиса связана с теми управленческими навыками, которые последовательно воспитывала в элите советская система набора кадров: компетентность (в рамках возможного), умение решать задачи через личные связи, видение ситуации, поддержка дружественных отношений со всеми участниками управленческого процесса и т.д.

Все опрошенные отметили, что именно марксистские взгляды позволили им не только выживать в «лихие 90-е», но и с успехом отвечать за «тех, кого мы приручили». К «тем» относились, помимо семьи и близких, коллективы предприятий, которыми респонденты руководили в переломную для России эпоху, что всегда давалась очень нелегко. Как выразился один из респондентов: «Я создал в городе первое акционерное предприятие, так как понимал, что в тех условиях за такой формой собственности будущее. Когда город возглавил второй секретарь городского комитета КПСС В. Ефремов, я пришел к нему и попросил сделать из государственного предприятия какое-нибудь ООО. Акции получили мои работники. Во времена перестройки власти не было. Все хотели получать услуги на халяву. Я оказался частником, который никому не подчиняется и не может быть наказан даже мэром. Когда пришел Черепков, который вообще никому ни за что не хотел платить, этот шаг спас наше предприятие. После того, когда мы, 15 руководителей, прождали нового мэра около четырех часов, стало ясно: денег не будет, выживайте, как хотите. На забастовку поднялось спецавтохозяйство. Весь город сразу зашумел. Все были за нас. Говорил народ: “Отдайте рабочим деньги, и в городе снова будут тишина и порядок”. Рабочие объявили забастовку, перекрыв федеральную трассу. Против Черепкова стояло более тысячи людей».

Достаточно откровенный контекст разговора позволил выявить неформальные управленческие практики в критических условиях 1990-х гг. Сложность обстановки была очевидной: «Все сотрудничали с бандитами. Вы же прекрасно понимаете, что город и край были поделены на зоны влияния. Я, например, давал машины, но никогда не платил деньгами. Очень многие

платили, но с бандитами во многом было проще договориться в то время, чем с официальной городской властью».

Две женщины прямо заявили, что сохранять хорошие отношения необходимо было со всеми, но часто это не представлялось возможным. Очень много проблем возникало с налоговыми органами, так как законодательство было крайне несовершенно, и каждый мог подсчитать налоги так, «как бог на душу положит». У «криминальных структур все было прозрачнее».

Заведующий кафедрой одного из владивостокских вузов откровенно рассказал о следующем: в самый пик «хозяйственной неразберихи мы с командой отправляли танкеры с нефтью на Камчатку, у нас и цены были ниже, но в определенный момент это стало очень опасно. В других вопросах можно было договориться, в этом нет».

Фактически все двадцать пять человек пережили сложное время 1990-х гг. без особенного ущерба для своего социального статуса, но ни один из них не сказал, что поддерживал кардинальные перемены в стране. Ностальгия по советскому времени присутствует у всех. «Редко кто из нас (управленцев советского времени) стал олигархом, возможно, потому, что все места разобрали москвичи, но я убежден, что олигархами стали в первую очередь те, кто придумал перестройку – для того, чтобы легализовать накопленные капиталы. Этого советская власть им бы никогда не позволила. Была жесткая партийная вертикаль. Даже при Брежневе было не обойти некоторых вещей. Народ всегда ожидает большего. Если бы кто-либо сказал, через какое время придется пройти, никто бы Горбачева и не поддержал».

Три респондентки пережили период 1990-х гг. в закрытых локальных сообществах, где «не было такого обвала, как во Владивостоке». «Я была в Ванинском районе начальником Управления культуры, – говорит одна из них. – 50 000 население района. Мы помогали друг другу. В то время и народ нам доверял. И самое главное – люди, приехавшие в Ванино, не стреляли. Вообще ванинское сообщество – и власть, и люди – смотрели на многое одинаково. Вот, например, ГКЧП. Получили мы телеграмму. Собрались администрация и депутаты. Не поддержали. Честно выступили и сказали об этом».

Только один из опрошенных высказал другое мнение, положительно охарактеризовав перестройку и М.С. Горбачева: «Я бы лично Горбачеву поставил памятник, система все равно рухнула бы. Варианты развития событий были. Но для этого нужны или жесткая политическая воля и поэтапное изменение советской системы, как, например, в Китае, или через лет 10–15 все равно бы произошли аналогичные события. Мы просто благодаря Михаилу Сергеевичу окунулись в реформы раньше. Другое дело, что все ожидали лучшей жизни, а ее нет до сих пор. Хотя средний срок реформ в той же Англии – 8–12 лет. Маргарет Тэтчер справилась за 8, хотя ее никто не любил, но целей своих она достигла».

В большинстве бесед подчеркивалось, что мы (т.е. все население страны) – другие. «У нас нет либеральных ценностей. Все больше коллективное мышление и соборность. Это совсем неплохо. Посмотреть, какие проблемы на Западе, такое впечатление создается, что мы-то как раз и выживем. Сейчас многие соотечественники приезжают обратно в Россию, пока таких немного, но этот процесс будет набирать обороты, так как на Западе кризис не просто идеологический, а мировоззренческий. Мы же возрождаемся. Просто многие нас специально критикуют, так как слабое государство многим выгодно». И в продолжение этой мысли: «Да, в 90-е был провал, практически вся промыш-

ленность была уничтожена, но мы получили очень дорогой ценой бесценный урок. В России возможно всё только при сильном государстве, еще бы это государство приструнило особо рьяных чиновников, которые „не по чину берут“. Должны быть ограничения в той же зарплате. Кроме того в советское время, если человек заваливал работу, то его и не продвигали, а сейчас, если он делится с вышестоящими, то может совсем ничего не делать».

Признавая, что жизнь в условиях нестабильности 1990-х гг. была чрезвычайно непредсказуемой, и мужчины, и женщины выделяют ключевой фактор – способность адаптироваться к новым условиям жизни – и подчеркивают, что она является для человека насущной потребностью в любых новых процессах.

Большинство настаивало на том, что все не могут адаптироваться одинаково. Данный процесс зависит от характера и жизненных устремлений человека. «Женщины вообще более приспособлены к жизни. Исключение составляют мужчины-управленцы. Среди них никто не опустил руки в трудные времена, а другие категории сильного пола плыли по течению, пока их жены вытягивали свои семьи».

В целом общее мнение опрошенных сводится к тому, что управленцы стали одной из самых активных социальных групп в эпоху перестройки. «Если ты привык работать в советское время, а ситуации были разные, то и в эпоху перемен ты сумеешь выжить и вытянуть за собой других. Ну, не может человек, никогда не принимающий самостоятельных решений, адекватно вести себя в моменты кризиса. Ко мне, когда все это началось, приходили рабочие и спрашивали: „Как мы теперь будем?“ Частично если не удалось все сохранить, то моя роль заключалась в том, чтобы смягчить наиболее острые моменты. Примерно процентам тридцати работников я лично помогал трудоустроиться, еще процентов двадцать ушли на пенсию, когда нечем было платить зарплату, остальные пережили времена развала и вместе с предприятием дождались лучших времен».

Таким образом, проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что у всех опрошенных преобладает прагматичный подход к постперестроечному процессу. Самоидентификация представителей элиты носит ярко выраженный положительный и адекватный характер, и именно она помогла всем представителям советского управленческого слоя адаптироваться к стремительно меняющимся условиям жизни.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Афанасьев М.Н. Правящие элиты и государственность посттоталитарной России. М.; Воронеж, 1996. 223 с.
2. Афанасьев М.Н. Формирование представительных собраний правящих региональных групп // Политические исследования. 1998. № 4. С. 116–119.
3. Ашин Г.К. Курс истории элитологии. М.: МГИМО(У), 2003. 302 с.
4. Боков М.Б. Российская элита о месте и роли России в мире // Общественные науки и современность. 2008. № 2. С. 4–17.
5. Гавров С.Н. Модернизация во имя империи. Социокультурные аспекты модернизационных процессов в России. 2-е изд. М.: Едиториал УРСС, 2010. 352 с.
6. Крыштановская О. Трансформация старой номенклатуры в новую российскую элиту // Общественные науки и современность. 1995. № 1. С. 51–65.
7. Миллс Р. Властвующая элита. М.: Директмедиа Паблишинг, 2007. 844 с.
8. Общая и прикладная политология: уч. пособие / под ред. В.И. Жукова, Б.И. Краснова. М.: МГСУ, Союз, 1997. 992 с.

УДК 316.4 (571.63)

ПРОТЕСТНЫЕ ПРАКТИКИ ЛОКАЛЬНОГО СООБЩЕСТВА: ПОДХОДЫ, МЕТОДЫ, СЛУЧАИ (НА ПРИМЕРЕ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РОССИИ, 1985–2017 гг.)

Анастасия Петровна Коняхина,

младший научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН. E-mail: kap1@rbcmail.ru

В статье на основе теории новых социальных движений и конструктивистского понимания социальной проблемы с привлечением разнообразных источников рассматривается ряд дальневосточных «случаев» протестной активности в поздне- и постсоветское время.

Ключевые слова: Дальний Восток России, локальное сообщество, повседневность, социальное движение, протест, социальная проблема

THE PROTEST PRACTICES OF THE LOCAL COMMUNITY: APPROACHES, METHODS, CASES (ON THE EXAMPLE OF THE FAR EAST OF RUSSIA, 1985-20017)

Anastasia Konyakhina,

Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, FEB RAS, Vladivostok, Russia. IHAЕ FEB RAS. E-mail: kap1@rbcmail.ru

In the article, based on the new social movement theory and the constructivist's understanding of social problem, with the involvement of various sources, a number of Far Eastern «cases» of protest activity in the late-Soviet and post-Soviet period is considered.

Keywords: Russian Far East, local community, everyday life, social movement, protest, social problem.

Изучение истории СССР и стран Восточной Европы в рамках теории тоталитаризма с её представлением о всепроникающем характере государства, отрицанием сложности социального пространства к 1980-м годам было подвергнуто пересмотру. Историки, социологи, а позже и антропологи сосредоточились на обнаружении и анализе политического в обыденных практиках людей. Такие явления и действия, не будучи репрезентативными, с точки зрения статистической и политической нормы своего времени, пишет А. Юрчак, выступали в качестве симптома внутренних, скрытых до поры изменений системы [25, с. 11].

Под удар критики попала и теория транзита. По мнению К. Сигман, сфокусировавшись на поведении элит и массовых движениях, эта теория упускает из вида трансформацию конъюнктур. «Конъюнктуры политической флюидности» (термин М. Добри) – особые состояний социальной системы, возникающие под влиянием конкурирующих мобилизаций. Конъюнктурам свойственна «структурная неустойчивость», когда теряются привычные ориентиры, позволявшие «оценивать и предугадывать допустимые и недопустимые ходы в игре, возможную отдачу от наличных ресурсов и эффективность доступных стратегий действий для всех акторов» [20, с. 41].

Конкуренция задает высокую неопределенность, немногочисленные прежде самоорганизованные группы становятся одновременно и субъектом социальных изменений, и их плодом. Как отмечали сами участники событий, «в начале 1980-х гг. все будущие организации и идеи были уже растворены в воздухе, и оставалось дожидаться лишь их кристаллизации, воплощения в какие-то реальные формы» [14].

Кризис советской системы сопровождался и возрождением идеи гражданского общества. Б. Капустин заключает, что гражданское общество выступает в конкретных исторических условиях в качестве способа деятельного самопреобразования социума, приводя в итоге к изменению институтов, процедур и норм [10, с. 41].

Советское государство не было монолитным, тотальным и устойчивым. Его динамику, трансформацию возможно отследить через изучение повседневных «практик гражданства», проявления «субъектности» в публичном пространстве. Вопрос состоит в том, на каких основаниях и в каких обстоятельствах это гражданское, протестное участие, построение общности осуществлялось.

Один из возможных исследовательских инструментов – понятие социальной проблемы, сформулированное конструктивистами (М. Спектор, Дж. Китсьюз, Г. Блумер и др.). Социальная проблема здесь выступает «не как совокупность объективных условий, а именно как результат процесса коллективного определения» [3, с. 150]. Это деятельность групп, выдвигающих утверждения-требования относительно неких обстоятельств, которые оцениваются как нежелательные, оскорбительные, неприемлемые. Такая форма взаимодействия между двумя (или, при посредничестве, тремя) сторонами предполагает несколько стадий, на которых проблема обретает общественное звучание и социальную легитимность, признание [21].

Официальная реакция может быть совершенно разной – от расследований и проведения реформ до игнорирования и запуска нового витка противостояния. Важно, пишет Г. Блумер, что в условиях неопределенности, отсутствия исходных показателей для обнаружения дисфункции системы распознать социальные проблемы возможно только после признания их таковыми обществом [3, с. 151–152]. Конструктивистов интересуют смыслы, которыми люди наделяют окружающий мир, используемые стратегии и речевые ресурсы [17, с. 5].

Следующий методологический ключ – это парадигма новых социальных движений с её акцентом на новых формах коллективного действия. Движения выступают как протест, направленный на разрешение конфликта [11, с. 154]. Они артикулируют проблемы и используют стратегию прямого

действия. П. Штомпка дает следующее определение: «Социальные движения» – это такие коллективные действия, которые направлены «на осуществление какого-либо вида социальных изменений» и развиваются «в рамках неформальных, не имеющих институционализированного и формализованного характера систем» [24, с. 163]. То есть не членство в какой-либо организации, а личное участие как залог успешного результата. Групповая идентичность и солидарность здесь – значимые условия участия.

А. Филиппов отмечает, что дальнейший отказ современного российского государства от социальных обязательств сочетается с усилением его полицейских черт. И тогда политическое попадает не в поле, где возможна нормальная политическая жизнь (с институционализированными партиями, устойчивой оппозицией), а «в дырки полицейского» [22]. Отсюда неожиданные протестные выступления, лозунги и участники.

По мнению авторов книги «Политика аполитичных: гражданские движения в России 2011–2013 годов», основным условием широкой общественной мобилизации в указанные годы являлось вторжение власти в частное пространство «обычных» людей, нарушение их повседневности [19, с. 15, 101–102].

Используя вышеупомянутый теоретический инструментарий, перейдем теперь к анализу дальневосточной ситуации поздне- и постсоветского времени, отдельных случаев, наблюдаемых в ходе реализации нашего проекта.

Сразу отметим, что формирование эмпирической базы стало одной из методологических проблем. Материалы официального происхождения как источник информации о проявлениях протеста в советский период оказывались зачастую недостоверны и фрагментарны. Государственная помесечная статистика о количестве забастовок, впервые фиксируемых с 1990 г., является существенно заниженной. Оставались без учета кратковременные, спонтанные остановки производства, неоформленные с соблюдением всех юридических процедур или не покинувшие пределы предприятий. Сведения о публичных акциях (их количестве, участниках, в том числе привлеченных к ответственности) содержатся в сводках УВД, доступ к которым ограничен.

Выходом стал адаптированный вариант событийного анализа протестов (protest event analysis, PEA), в рамках которого фиксировались сообщения прессы (от газет региональных, районных к городским и поселковым, ведомственным) об отдельных протестных акциях в Приморском, Хабаровском краях и Сахалинской области на рубеже 1980–1990-х гг. Эта весьма ресурсозатратная работа требует продолжения, в том числе из-за постепенной физической утраты источников.

Совокупность данных из разных изданий, несмотря на их известную субъективность, является вполне репрезентативной, позволяя отследить событие в динамике. Кроме того, согласно П. Шампаню, следует говорить о так называемой «информационной акции протеста»: не состоявшейся в реальности, но появившаяся в СМИ, она формирует общественное мнение, влияет на выбор последующих моделей протестного поведения.

Новым источником стали и транскрибированные полуформализованные глубинные интервью об отношении жителей региона к реформам (с 1985–2015 гг.), их политической и протестной активности, аудио- и видео-

записи митингов. Весь этот комплекс текстов (включая документы личного происхождения: дневники и письма) служит отражением эпохи и уровней её восприятия и представления в особом смысловом пространстве. Их дешифровка, интерпретация, сопоставление позволяет получить в целом представление о мотивах и действиях людей.

Одной из доступных форм гражданского участия в советское время являлось апеллирование к власти, в том числе через обращения в партийные и советские органы, СМИ. До конца 1980-х гг. их тематика на Дальнем Востоке по-прежнему ограничивалась жилищной и социально-бытовой, не перемещаясь в область политического. Социальная напряженность и конфликт, затрагивавшие групповые интересы, не находили пока публичного выражения.

В качестве объяснения исследователи предлагают различные модели из теорий мимикрии и раздвоенного сознания. Так, Ю. Левада оперировал понятием «диктатуры двоемыслия», которая четко разграничивала для советского человека «сферу официально предписываемого (поступать и говорить «как надо») и сферу допустимого или терпимого [13, с. 78]. А. Юрчак пишет о «перформативном сдвиге», когда всё большая стандартизация и повторяемость формы (авторитетного языка и визуальных объектов, повседневных ритуалов – собраний, выборов, торжеств), приводила к возникновению новых неожиданных смыслов и способов существования [25, с. 75–76, 79].

Исследователи отмечают, что Дальний Восток всегда отличался относительно благоприятной психологической атмосферой для распространения свободных суждений и критических настроений [5, с. 183]. Дальневосточники в силу специфики проживания на окраинной, пограничной территории и до перестройки имели больший доступ к неофициальным источникам информации, в том числе из-за рубежа. Можно говорить и о тихой «подгонке по месту» официальных институтов и практик.

Постепенная утрата государством монопольного права на истину сопровождалась возраставшим запросом людей на информацию. Публикация писем, коллективных обращений, отслеживание острых ситуаций, проведение опросов, разговоры в прямом эфире – все это работало на развитие чувства сопричастности происходившему. В 1990 г. большая часть населения связывала надежды на улучшение дел в своем городе и районе именно с печатью, радио и телевидением (это второе место после Советов народных депутатов: их выбрали 44% и 56% приморцев соответственно) [ГАПК. Ф. П-68. Оп. 117. Д. 1076. Л. 25. Отчет о результатах социологического опроса по проблеме «Партия и перестройка». Владивосток, 1990 г.]. Новой формой стали дискуссионные клубы, нацеленные, с одной стороны, на разработку конкретных рекомендаций по решению социально-экономических проблем региона, а с другой – на привлечение внимания к идее личного участия в перестроечных процессах.

Новые социальные движения отстаивали своё видение общего блага. Успешность их деятельности по целому ряду направлений была во многом обусловлена массовой поддержкой местного населения (сторонников и сочувствующих). Публичность и сетевая активность движений (яркий пример – «Демократическое движение за перестройку», возникшее на волне масштабных стихийных митингов 1988 г. на Сахалине), поставляя модели

эффективного солидарного действия, позволяли вырываться из маргинальной зоны, а накапливаемый социальный капитал до поры до времени облегчал институциональные усилия.

Посткоммунистические трансформации сопровождались социальной травмой, приводящей, как пишет П. Штомпка, к самоидентификационным сдвигам, усиливая стремление сохранить то обозримое близкое, что только и способен в ситуации высокой неопределенности удержать в руках человек. Опросы с конца 1980-х гг. показывали, что идентификация с «большой» родиной уступила место идентификации с «малой» родиной («место, где родился и вырос») [13, с.124].

Для жителей Дальнего Востока комплексной социальной проблемой стали разнообразные угрозы со стороны Центра (Москвы), политика которого по отношению к территории воспринималась как колониальная (эксплуатация людских и природных ресурсов). Анализ материалов архивов и периодических изданий показывает, какие вопросы стали поводом для самоорганизации дальневосточников на рубеже 1980-х – 1990-х гг.:

- экологические: строительство Приморской, Хабаровской АЭС, каскада ГЭС на реках Амур, Усури, загрязнение окружающей среды, захоронение радиоактивных отходов;

- приграничные: Курильская проблема (требования как передачи Японии островов, так и против таковой); снятие статуса погранзоны в Сахалинской и Камчатской областях, Приморском крае;

- межэтнические: взаимоотношения с корейским населением; иностранной рабочей силой, прибывавшей по межправительственным соглашениям и организованному набору (гражданами КНДР, СРВ, КНР);

- вопросы социально-экономического положения коренных малочисленных народов Севера, проблема закрепления территорий традиционного природопользования;

- проблема гласного обсуждения проектов развития региона, требование обязательного проведения референдумов при принятии важнейших решений, затрагивающих интересы жителей (размещение промышленных, военных объектов, ИТУ, изменение административного статуса и границ территорий, пограничной зоны и т.д.);

- борьба с номенклатурными привилегиями и злоупотреблениями служебным положением представителями власти («круизы для своих» и т.д.)

- проблемы законодательного упорядочения льгот для граждан, проживающих в районах Крайнего Севера и местностях, приравненных к ним;

- идея независимости Дальнего Востока (создания Приморской республики, Независимой Демократической островной республики, ДВР, Дальневосточной Демократической республики, Еврейской автономной республики, Национальной автономии коренных малочисленных народов Сахалина);

- а также резко обострившиеся к 1990-м гг. проблемы снижения уровня жизни и роста преступности.

Рамки статьи не позволяют рассмотреть подробно все выделенные темы, хотя каждый случай по-своему уникален и является неотъемлемой частью общей картины.

Возьмем для примера экологический конфликт. Его особенность в том, что обсуждение в советское время проблемы сохранения окружающей сре-

ды в рамках официальных организаций было вполне допустимо. Перелом произошел в 1986 г. и был вызван «чернобыльским синдромом» как реакции людей на информационные потоки по поводу различных техногенных угроз [7, с. 63].

Как это происходило на местном уровне? Население из слухов, по отрывочным сведениям узнавало о предполагаемых планах по строительству какого-либо промышленного объекта (АЭС, ГОКа и т.д.). В отсутствие достоверной информации и при росте напряжения в различные инстанции для прояснения ситуации направлялись коллективные обращения, письма. Когда реакция адресата была неудовлетворительной, запускался механизм эскалации конфликта, и проблема получала публичную артикуляцию.

Так, большой резонанс вызвало противостояние между жителями Ванинского района и Советской Гавани и командованием Тихоокеанского флота, вызванное началом работ по выгрузке активных зон реакторов атомных судов. В мае 1990 г. состоялся многотысячный митинг. Образовалась инициативная группа, затем стачком и, наконец, оргкомитет по экологии района. При участии 70 представителей предприятий района были приняты обращения в Совет Министров СССР, Министерство обороны, командование ТОФ, краевой Совет народных депутатов [8, с. 2]. Отметим, что зачастую (и в данном случае тоже) такие самоорганизованные структуры («ячейки гражданской вовлеченности» по Коулману) [18, с. 212], добившись положительного результата, приобретая опыт и капитализировав его в мобилизационный ресурс, продолжали свою деятельность в области защиты прав населения, расширяя ее географию и тематику.

Согласно данным опроса, проведенного ДВО ВЦИОМ в 1991 г., движение «зеленых» располагало максимальным доверием дальневосточников к колоссальным отрывом от всех прочих общественных организаций [6, с. 2]. Причем наибольшие показатели на Дальнем Востоке демонстрировал Хабаровский край, где неформальные экологические объединения к концу 1980-х перешли к активной политической деятельности [подробнее см.: 12].

Некоторые исследователи выдвигали предположение, что с ростом экологических требований вследствие «чернобыльского синдрома» связан в целом подъем сепаратизма в союзных республиках [7, с. 63–64]. Ситуация на Дальнем Востоке дает определенные основания для подобных выводов. В предвыборных программах кандидатов в депутаты темы защиты окружающей среды часто соседствовали с предложениями большей самостоятельности региона, к примеру, в такой формулировке: «Создание в краевом Совете постоянно действующей системы, блокирующей распоряжения центральных органов, которые могут нанести вред условиям жизни дальневосточников» [23, с. 5].

Массовый протест вызвало решение о снятии статуса погранзоны в Приморском, Хабаровском краях, Сахалинской и Камчатской областях [подробнее см.: 16, с. 755–756]. Так, в обращении делегатов общешотландской конференции трудового коллектива Петропавловской базы океанического рыболовства (около 8 тыс. рыбаков) говорилось: «...Не хватает детских садов, дошкольных учреждений, поликлиник, больниц. Крайне обострено положение с жильем... Сегодня из-за нехватки продуктов питания по причине невыполнения договоров поставки местные власти вынуждены

ввести карточное нормирование практически всех видов продовольствия. Но и эти карточки мы не всегда можем отоварить... Единственная связь с материком – авиация, тысячи камчатцев не могут вылететь на материк. Камчатка наш дом. Здесь жить нам, нашим потомкам. Мы хотим сохранить ее для них». Выдвигалось требование, чтобы статус Камчатки был определен с местными властями на основании волеизъявления всех ее жителей [ГАРФ. Ф. А-664. Оп. 1 Д. 65. Л. 13.].

На использовании материальных и символических ресурсов своего локального сообщества базировались многие адаптационные стратегии и неформальные практики жителей региона. В частности, через все 1990-е и 2000-е гг. проходит один из символов локальной идентичности – «правый руль» («сердце слева – руль справа»), на протестах против посягательств на который уже выросло целое поколение.

По результатам опроса населения в 1992 г. наибольшую тревогу вызывало снижение уровня жизни (63%), рост преступности (63%), бессилие власти (52%) [2, с. 4]. Начальник линейного отдела милиции констатировал, что «криминогенная обстановка в порту Восточном не поддается контролю: большое число хищений, рэкет», и выражал надежду на поддержку действий милиции «со стороны моряков, докеров и всех честных людей» [4, с. 5]. Созданный в Приморском крае объединенный комитет рабочего движения, пригрозив общекраевой забастовкой, потребовал отставки руководителей крайисполкома, поставив им в вину неспособность справиться с преступностью [9, с. 8].

Крайне острой оставалась ситуация с выплатой зарплаты, наличных денег рыбакам, морякам и шахтерам. Введение в 1993 г. запрета на регистрацию и эксплуатацию автомобилей с правым рулем на фоне принятых ранее указов президента РФ о временном импортном таможенном тарифе и налогообложении инвалютных заработков вызвало бурную реакцию. В хлынувших потоком радиogramмах указы назывались грабительским, ущемляющим интересы моряков, для которых «приобретение автомобиля за рубежом – основная возможность обеспечить существование себе, своей семье». «В условиях падения престижа работы на российском флоте приобретение автомобиля является одним из главных сдерживающих факторов перетока квалифицированных кадров на работу в иностранные компании» [15]. Началась подготовка к широкомасштабной забастовке 30 апреля 1993 г., о чем был поставлен в известность Конституционный суд России. Поддержали стачком представители разных профессий, жители Дальнего Востока [1, с. 2].

Острота протеста в регионе определялась ситуацией, когда болезненное для жителей ущемление экономических прав (на фоне деградации производственной и социальной сфер) сочеталось с конфликтом, в центре которого – понимание справедливости. Обсуждение целесообразности конкретных, предлагаемых для реализации на территории, проектов трансформировалось подчас в постановку вопроса о доверии власти вообще.

В советское время конфликты возникали вокруг строительства АЭС, ГРЭС, различных промышленных объектов. Сегодня отторжение вызывает хозяйственная деятельность не встроенных в социальное пространство крупных экономических субъектов с пропиской в Москве и за рубежом, при-

ход которых увязывается региональной властью с необходимостью привлечения инвестиций.

Показателен пример с проектом строительства в 2013 г. перегрузочного комплекса на Славянском СРЗ, в котором, как в капле воды, отразился весь набор противоречий между представлениями об «общем благе» местного сообщества, бизнеса и власти регионального/районного/поселкового уровней.

Практически в центре п. Славянка планировалась транзитная перевалка открытым способом востребованного за рубежом каменного угля. Стихийно образовавшаяся инициативная группа начала информационную кампанию с целью не допустить реализацию проекта. В марте 2013 г. на митинге, поддержанном администрацией поселения, было заявлено о недопустимости нарушения конституционных прав граждан на жизнь в экологически чистой среде. Раздавались мнения, что «без решения вопросов экологии... на развитии Славянки можно будет ставить крест» [АОСПИ ИИАЭ ДВО РАН. Видеозапись митинга 2013а. Приморский край, п. Славянка], что «власть... обманывает нас... Что же нам готовят: то ли массивное кладбище из жителей поселка Славянки, то ли хотят экономическое развитие?» [АОСПИ ИИАЭ ДВО РАН. Видеозапись митинга 2013б. Приморский край, п. Славянка]. Наглядным примером «благоденствия» являлась для людей ситуация в Посьете, где агрессивная деятельность «Торгового порта Посьет» на протяжении 10 лет привела к масштабному загрязнению территории и акватории, вызвав и исход населения.

Испробовав все возможные способы – протестные акции, сбор подписей, участие в общественных слушаниях, обращение в федеральные и региональные органы власти, в прокуратуру, к зарубежному соинвестору проекта, – группа занялась подготовкой референдума. Затянувшееся противостояние было прервано личным вмешательством губернатора края, и проект терминала был отложен.

Результатом консолидации усилий местного сообщества, экологов, депутатов стало не только укоренение неформализованных практик гражданской вовлеченности, но и повышение интереса к публичной политике в целом. Непривычно высокая явка в 2014 г. на выборы в местный законодательный орган и победа членов инициативной группы (14 мест блока «Мы – Славянка!» из 15) продемонстрировали актуальную потребность жителей участвовать в самостоятельном определении желаемого образа территории. Принцип «государство – это мы» служил стимулом для усиления чувства солидарности и расширения ее практики.

Такая когнитивная мобилизация стала возможной, опять же, благодаря выявившейся устойчивой локальной коллективной идентичности, связанной с особенностями формирования населения поселка. Ссылка на этот символический ресурс приводилась и в качестве довода для сворачивания проекта, однозначно оцениваемого жителями как технологически устаревший, а вовсе не модернизационный. «Здесь контингент другой проживает в Славянке, здесь люди со всего бывшего СССР, очень грамотные, высококвалифицированные... Не получится, как в Краскино, что все будут молчать, за три рубля работать» [АОСПИ ИИАЭ ДВО РАН. Интервью с И. Приморский край, п. Славянка. 2014].

Показательны диалоги участников митинга 26 марта 2017 г. во Владивостоке: «А ведь про Навального ни слова» – «И правильно, мы же все против коррупции». «А ты фильм-то видел? [подготовленный ФБК «Он вам не Димон»]» «Не. Я не за Навального вообще-то, я против коррупции. Это более глобальный вопрос» [Аудиозапись митинга 2017д. Приморский край, г. Владивосток // Личный архив автора]. Такая универсальность повестки, объединяющая сегодня представителей разных поколений, роднит это движение с массовыми антисоциалистическими движениями 1980-х гг. в противовес наиболее распространенным сегодня локализованным «движениям одного требования».

В целом изучение тематики и характера вопросов, актуализированных в ходе гражданского участия в период трансформаций показывает, что их адресатом выступали, прежде всего, центральные власти. И здесь отчетливо проявлялась групповая и локальная идентичность людей, выступавших против вторжения государства в свою повседневность, против нарушения отлаженного социального порядка. Ответом на внешние по отношению к периферийной территории угрозы (игнорирование жизненных интересов и законных прав жителей) в условиях высокого институционального недоверия стало коллективное сопротивление. Социальная напряженность получала выход в прямом политическом действии, когда частный интерес обретал общественную значимость.

К. Сигман указывает, что после уникальной ситуации начала перестройки, когда представители ни официальной стороны, ни неформальной не знали, как далеко каждый из них может зайти (последние пытались «втиснуться в зазоры системы»), в 1989–1991 гг. наступает новый этап, когда соревнование между акторами сосредотачивается на избирательной и партийной аренах [20, с. 40–42]. На Дальнем Востоке в силу ряда причин стихийный локальный конфликт наряду с институционализированным гражданским участием продолжал сохранять свою актуальность.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Акция протеста // Дальневосточный моряк. 1993. 17 февр.
2. Аналитическая записка по результатам трех зондажных опросов населения города Хабаровска. Хабаровск. Дальневост. кадровый центр. Апрель–июнь 1992 г.
3. Блумер Г. Социальные проблемы как коллективное поведение / пер. И. Ясавеева // Контексты современности-II: Хрестоматия. 2-е изд., перераб. и доп. / сост. и ред. С.А. Ерофеев. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2001. С. 150–159.
4. Болбас И. В Восточном снижена преступность // Дальневосточный моряк. Владивосток. 1993. 12 мая.
5. Ващук А.С. Инакомыслие в СССР и проявление крамолы на Дальнем Востоке (1960–1970-е гг.) // Колымский гуманитарный альманах. Вып. 3. 2008. С. 181–189.
6. Демеш М. Ты мне доверяешь? // Единство. 1991. 13 июля.
7. Ефременко Д. В. Нормальная катастрофа: ещё раз об исторических развилках 1980–1990-х годов // Россия и современный мир. 2014. № 2(83). С. 58–80.
8. Заложники // Молодой дальневосточник. Владивосток, 1990. 16 июня.
9. Иномарка // Молодой дальневосточник. Владивосток, 1991. 15 июля.
10. Капустин Б.Г. Критика политической философии: Избранные эссе. М.: Издат. дом «Территория будущего», 2010. 424 с.

11. Костюшев В.В., Горьковенко В.В. Социологическое описание коллективных протестных действий: информационная база данных акций протеста (PRODAT-SpB) // Общественные движения в современной России: от социальной проблемы к коллективному действию. М.: Ин-т социологии РАН, 1999. С. 149–162.
12. Кузьмина М. Комсомольск-на-Амуре: конец двадцатого века. История демократического движения в эпоху политических потрясений. Кн. 1. Комсомольск-на-Амуре, 1998. 208 с.
13. Левада Ю. А. Сочинения: проблема человека. М.: Издатель Карпов Е.В., 2011. 526 с.
14. Леонтьев Я. От последних диссидентов к первым неформалам. Интервью, беседовал А. Пятковский, май 2005 г. URL: IGRUNOV.RU Сайт Вячеслава Игрунова. http://www.igrunov.ru/vin/vchk-vin-n_histor/remen/1119611687.html (дата обращения: 1.08.2017)
15. Моряки возмущены // Дальневосточный моряк. Владивосток, 1993. 10 февр.
16. Общество и власть на российском Дальнем Востоке в 1960–1991 гг. (История Дальнего Востока России. Т. 3. Кн. 5) / под общ. ред. В.Л. Ларина; отв. ред. А.С. Ващук. Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2016. 940 с.
17. От редакции. Конструирование социальных проблем, социальная политика и модернизация // The Journal of Social Policy Studies (Журнал исследований социальной политики). 2010. Т. 8, № 1. С. 5–6. URL: <https://jsps.hse.ru/article/view/3573> (дата обращения: 20.08.2017)
18. Патнэм Р. Чтобы демократия сработала. Гражданские традиции в современной Италии. М., 1996. 287 с.
19. Политика аполитичных: Гражданские движения в России 2011–2013 годов / Коллективная монография; Алюков М.Л., Ерпылева С.В., Желнина А.А., Журавлев О.М., Завадская М.А., Клеман К., Магун А.В., Матвеев И.А., Невский А.В., Савельева Н.В., Туровец М.В.; редакторы Ерпылева С.В., Магун А.В. М.: Новое литературное обозрение, 2015. 480 с.
20. Сигман К. Политические клубы и Перестройка в России: Оппозиция без диссидентства. М.: НЛО. 2014. 480 с.
21. Спектор М., Китсьюз Дж. Конструирование социальных проблем // Контексты современности – II: Хрестоматия. 2-е изд., перераб. и доп. / сост. и ред. С.А.Ерофеев. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2001. С.160–163.
22. Филиппов А. Полиция и политика: гражданское общество и неолиберальное государство. Видеозапись доклада на конференции «Гражданское общество и Россия в современном мире: общественные движения, институты и настроения», 8-9 ноября, Европейский университет Санкт-Петербурга. // SocioLogos, Портал российской прикладной социологии. URL: http://www.sociologos.ru/novosti/Video_lekcii_Aleksandra_Filippova_-_Policiya_i_politika_grazhdanskoe_obshestvo_i (дата обращения: 5.10.2017).
23. Хабаровчане!.. // Молодой дальневосточник. Хабаровск. 1990. 3 марта.
24. Штомпка П. Социология. Анализ современного общества / пер. с польск. С.М. Червонной. М.: Логос, 2005. 664 с.
25. Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. М.: Новое литературное обозрение, 2016. 664 с.
26. АОСПИ ИИАЭ ДВО РАН (Архив отдела соц.-полит. исследований ИИАЭ ДВО РАН)
27. ГАПК (Гос. арх. Приморского края)
28. ГАРФ (Гос. арх. Российской Федерации)

УДК: 947.088(571.6)

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОВСЕДНЕВНЫХ СТРУКТУР В ПЕРИОД РЫНОЧНЫХ РЕФОРМ: МЕТОДЫ СБОРА МАТЕРИАЛА, ЭМПИРИЧЕСКОГО И ТЕОРЕТИЧЕСКОГО ОБОБЩЕНИЯ

Юлия Николаевна Ковалевская,

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела социально-политических исследований Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток. E-mail: tupa67@mail.ru

Приводятся примеры «ловушек интерпретации» при работе с документами личного происхождения (интервью, письма, дневники) и способы их избежать. Отмечено, что хотя общепринятой теории, объясняющей все противоречия современного российского общества не существует, большинство исследователей согласны с тем, что повседневность сегодня является непредсказуемой, многоукладной, ей присущи большие риски.

Выявлены повседневные проявления двух типов расслоения: регионального (центр/периферия) и социального (привилегированные/непривилегированные слои). Описаны практики социального исключения и дискриминации «работающих бедных» («серая занятость», «отходничество», закрытие поселений, изъятие общественных ресурсов, «ножницы цен» и т.п.), а также способы адаптации в этих условиях (распределенный образ жизни, новые формы солидарности, минимизация трудовых усилий). Доказано, что российский тип неравенства не является уникальным, схожие системы сформировались во всех постсоветских странах Центральной и Восточной Европы

Ключевые слова: российский Дальний Восток, 1990-е годы, повседневность, рыночные реформы, социальное неравенство, дискриминация, практики выживания.

TRANSFORMATION OF EVERYDAY STRUCTURES IN THE PERIOD OF MARKET REFORMS: METHODS OF DATA COLLECTION, EMPIRICAL AND THEORETICAL GENERALIZATION

Yulia Kovalevskaya,

Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, FEB RAS, Vladivostok, Russia. E-mail: tupa67@mail.ru

The examples of “traps of interpretations” in the working with documents of personal origin (interviews, letters, diaries) and ways to avoid them being analyzed. The author notes that although there is no conventional theory explaining all the contradictions of contemporary Russian society, the most researchers agree that everyday life is unpredictable, multifaceted, and it includes great risks.

Daily manifestations of two types of stratification are revealed: regional (center/periphery) and social (privileged/unprivileged stratum). The practices of social exclusion and discrimination of "working poor" ("grey employment", "otkhodnichestvo", closure of settlements, depletion of public resources, "price scissors", etc.) and methods of adaptation (distributed way of life, new forms of solidarity, minimization of labor efforts) are described. It is proved that the Russian type of inequality is not unique, similar systems have been formed in all post-socialist countries of Central and Eastern Europe.

Keywords: *Russian Far East, the 1990s, everyday life, market reforms, social differentiation, discrimination, survival practices.*

Для изучения повседневности кроме официальных источников (статистики, материалов из государственных архивов и СМИ) необходимо привлекать документы личного характера: письма, дневники, воспоминания, интервью, старые фотографии. Их сбор осуществляется лично и через знакомых (методом «снежного кома»), а также через СМИ (бумажные и электронные), социальные сети и на форумах.

Понимание «документов человеческой жизни» возможно только через послойное расширение контекста всеми возможными способами: с помощью исторических текстов, краеведческих материалов, СМИ, художественной литературы, письменных и устных рассказов очевидцев.

Ближайшим контекстом найденного документа (взятого интервью) являются другие документы (интервью) из того же кейса. Вместе они образуют гипертекст, в котором выделяются «тропы» в обоих смыслах этого слова (1 – повторяющиеся сюжеты, как натоптанные тропинки; 2 – «сильные высказывания» – образы, метафоры – могут быть единичными, но интересны именно своей уникальностью, типичностью). Таким образом, интерпретация полевых документов происходит так же, как их сбор: «герменевтический круг» – подобие «снежного кома».

В процессе работы научная оптика как бы несколько раз меняется – микроскоп на телескоп и обратно. Причем «из аквариума легко сделать уху», но этот процесс практически необратим. При разрушении живого языка оригинального документа он моментально теряет большую (и лучшую) долю своих смыслов и только немногим ученым удается компенсировать эту потерю научным анализом. Даже К. Маркс признавал, что Диккенс больше сделал для понимания сущности капитализма, чем все политэкономы вместе взятые.

Хорошее исследование «человеческого документа», на мой взгляд, должно быть похоже на компьютерный сайт, где выложен оригинальный текст, и практически к каждому слову и предложению этого текста привязана гиперссылка с толкованием этого фрагмента, научный комментарий, отсылка к литературе и т.п. Читатель может использовать интерпретацию исследователя целиком или частично, а может ею полностью пренебречь, в любом случае у него есть возможность видеть первоисточник. К сожалению, стандартный размер научной статьи не позволяет работать этим методом, особенно если у исследователя не один, а сто документов, и в ход идет их «мелкая нарезка», так что читателю остается верить интерпретации исследователя на слово.

Проблемы достоверности интерпретации «человеческих документов» для меня заключаются в следующем.

1. Временная (для историков) или культурная, биографическая дистанция затрудняет «взаимозаменяемость перспектив» исследователя и респондента, у них не совпадают системы релевантности. Включенное наблюдение (т.е. командировки исследователя) всегда очень короткие. При таких условиях возможно только частичное понимание объекта изучения, неизбежны ошибки. Например, я однажды полтора часа беседовала с респондентом о последствиях закрытия шахт в городе Шахтерске. В конце выяснилось, что его Шахтерск находился на Донбассе, а мой – на Сахалине. А мы уже даже «вспомнили» общих знакомых.

2. Нулевая дистанция, абсолютное включение не позволяют произвести нормальную научную редукцию проблемы, научная оптика не работает именно там, где ученый у себя дома. Можно идеально знать свое поле исследования в рамках обыденного знания, но где нет анализа и генерализации, там нет и науки. Для корректировки исследовательской «близорукости» приходится применять рамочные теории с большим масштабом: социальная феноменология А. Шюца, социальный конструктивизм П. Бергера, Т. Лукмана.

3. Проблема «постпубликационного шока» и «выхода из поля». Без взаимного доверия полевые исследования повседневности невозможны. Метод «снежного кома», «неформализованного интервью», получение доступа к мемуарам, письмам, фотографиям требует эмпатии. А научная статья не терпит эмоциональности, это сразу делает ее публицистикой, паранаукой. Научная статья предполагает объективность, абстрагирование от конкретных примеров, сравнение и критику. Наука в известной степени отчуждает, «убивает» и «расчленяет» объект изучения, и для гуманитарных наук – это проблема. Респонденты иногда интересуются тем, что мы о них пишем, и написанное может их оскорбить.

Если эмпирическое обобщение полевого материала обычно не представляет больших трудностей, то выход на теоретический уровень – совсем наоборот.

Социальная природа постсоветского общества в своих повседневных проявлениях явно не соответствует ни ожиданиям большинства населения, ни тем целям, о которых заявляли инициаторы рыночных реформ в 1990-е гг. Поэтому ее определение вот уже 25 лет вызывает острые дискуссии. На этом дискуссионном поле выросло множество объяснительных моделей: транзитология (ныне покойная), неолиберализм, теория «ресурсного государства» С. Кордонского, концепция «раздаточной экономики» О. Бессоновой, России как феодального общества В. Шляпентоха, неформальной экономики Т. Шанина и др. [3, 7, 10, 15].

Как считает британский исследователь М. Буравой: «Произошла мутация социалистической экономики, сдвиг от плана к клану. Ни социализм, ни рынок не могут помочь в понимании нового порядка, который представляет собой нечто иное. Можно сказать, что неформальная экономика, выросшая в недрах государственного социализма, разорвала свою защитную оболочку и прошествовала на международную арену» [4, с. 65]. Венгерский ученый Б. Мадьяр определяет посткоммунистические государства как «мафиозные», что определяет тип политического и экономического господства

и распределения всех повседневных благ [9]. Современное российское общество оценивается теоретиками как дисгармоничное, расколотое, а экономика – как многоукладная [10, 14 и др.]. В ней выделяются доиндустриальная, индустриальная и постиндустриальная зоны, причем поляризация экономического и социокультурного пространства усиливается.

Полевые источники (интервью) показывают рыночные реформы на Дальнем Востоке России как «революцию перераспределения». Рынок выступил катализатором процессов расслоения, вывел их из тени, но не изменил их траекторий, которые начали формироваться в советское время [17]. Увеличилась дифференциация как географического пространства (разный статус территории), так и социального (иерархия социальных слоев).

Повышательная мобильность была связана с доступом к государственным ресурсам (материальным и силовым) и осуществлялась с помощью неформальных социальных групп и сетей. В результате значительная часть властных и экономических отношений относится к нелегальному (теневому) сектору – отсюда частично нелегитимными воспринимаются государство и частная собственность вообще.

В постсоветский период произошло значительное снижение благосостояния и статуса наемных работников массовых профессий, в том числе имеющих высшее образование (учителей, врачей, инженеров и др. специалистов). Они превратились в «работающих бедных» и в своем социальном поведении сходны с традиционным крестьянством: до последнего держатся за «белую» работу, несмотря на снижение и задержки зарплаты; способны подрабатывать в нескольких местах, подвергая себя сверхэксплуатации ради сохранения привычного уровня жизни; члены многих семей занимаются «отходничеством», т.е. готовы работать на стороне и нести издержки жизни на два дома.

Идеология «неолиберализма», которая была официальным языком реформ в постсоветской России, подверглась почти стопроцентной девальвации и полностью уподобилась советской идеологии в том смысле, что она не объясняет, а скрывает реальные общественные отношения, и высокостатусные группы используют ее для оправдания своих привилегий. В повседневной жизни большинство населения придерживается иных рациональных норм и выражает их собственным языком.

Постсоветская общественная конфигурация России не является уникальной, схожие системы сформировались во всех странах Центральной и Восточной Европы [см. 5, 8, 9], что объясняется общими для всех них начальными условиями и схожими институтами (эффект колеи). Многие исследователи считают, что в современном мире повседневность утрачивает свой рутинный характер и является зоной риска.

Повседневность должна сохранять динамическое равновесие стабильности и изменчивости. Обычно все изменения повседневности носят системный характер и затрагивают одновременно как объективные структуры, так и интерпретационные схемы, используемые людьми: «Система, возможно, полностью изменилась, но она изменилась как система; она никогда не подрывалась и не низвергалась; даже при своей модификации она все еще остается подходящим инструментом для управления жизнью» [16, с. 215]. Поэтому повседневность – «верховная реальность», она составляет основу

социального бытия и обеспечивает устойчивость в условиях социальных трансформаций [6, с. 56].

Революция 1917 г. привела к резкой ломке традиционного повседневного уклада, новый советский образ жизни и вся повседневность сохранили очень мало преемственных форм с дореволюционными, поскольку изначально были построены на их отрицании. Однако социалистические трансформации носили системный, плановый характер и к 80-м «застойным» годам XX в. приобрели устойчивость и стабильность. В основе этой стабильности лежали государственные гарантии базовой безопасности: мирная жизнь, отсутствие голода, всеобщая занятость, доступность образования и здравоохранения, предоставление жилья и низкие тарифы ЖКХ, транспортная доступность любого населенного пункта в СССР, низкая преступность.

Все эти «достижения социализма» зависели от государства и поэтому подверглись деконструкции в период перестройки и «рыночных реформ». «Проблема российских преобразований 1990-х гг. состояла не в торможении преобразований “реакционными традициями”, как часто утверждают неудачливые реформаторы, а в отсутствии устойчивого срединного, повседневного уровня бытия, на котором преобразования могут закрепляться в стабильных, органичных структурах. Порождаемые при этом риски состоят не столько в экономических потерях и бытовых неурядицах, сколько в необходимости каждый раз переопределять практически все структуры повседневного бытия: содержание социальных ролей, правила действий, стереотипные интерпретации и оценки. В России в конце XX в. произошла не только деконструкция политической системы, централизованной плановой экономики и “идеологических ценностей” советской эпохи. Реформы сопровождались и радикальными трансформациями сложившейся повседневности большинства социальных групп. Для одних потеря социального статуса и бывшего благосостояния привела к аномии, падению рождаемости, моральной деградации, развитию деструктивности в отношении себя (пьянству, наркомании). Быстрый рост благосостояния других, “новых русских”, также привел к радикальным изменениям повседневности, которые не были подготовлены предыдущим развитием, кумулятивными структурными изменениями. Фактически расслоение общества зашло настолько глубоко, что о “единстве” разных его групп говорить нельзя» [6, с. 58].

Авторы социологического исследования «Образ жизни в советской и постсоветской России: динамика изменений» отмечают, что по сравнению с советским периодом в повседневности россиян «произошла инверсия стандартов повседневного поведения и связанных с ними инструментальных ценностей. В современном российском обществе распалось единое нормативно-ценностное ядро, представленное базовыми для всех культур, называющих себя цивилизованными, нормами и традиционными для русской культуры ценностями» [11, с. 49].

Дальний Восток относится к регионам с высокими повседневными рисками, где резко выражено как социальное, так и региональное неравенство. По данным официальной статистики за период с 1985 по 2015 г. в Приморском крае концентрация доходов в руках наиболее обеспеченной группы населения постоянно увеличивалась: в 1986 г. коэффициент Джинни (индекс концентрации доходов) составлял 0,220, в 2000 г. – 0,325, в 2015 г. – 0,384.

Коэффициент фондов в 1985 г. составлял 3,38, в 2000 г. – 8,4, а в 2015 г. – 12,7. Еще больше расслоение в Амурской и Сахалинской областях: коэффициент фондов в 2015 г. соответственно – 13,4 и 15,6%, индекс Джинни – 0,392 и 0,413 [13].

Новая конфигурация структур повседневности существует не только в России, но и во всем мире.

Пространство. Сплошное освоение пространства заменяется дискретным: вдоль «путей» движения ресурсов и в «оазисах». Там есть работа, зарплата, трудовые усилия приносят предпринимательскую прибыль. В остальных местах в лучшем случае можно выжить, в худших – происходит непоправимая деградация. Как отметил А. Панарин, «глобализация означает новую, еще небывалую степень противостояния дальнего и ближнего миров: открывается перспектива полной отчужденности дальнего мира глобалистов от ближнего мира народной повседневности» [12, с. 170].

Национальные государства проигрывают глобальным корпорациям или обслуживают их интересы. В России: точечное колониальное освоение провинции, рост мегаполисов с сельской периферией, запустение остального пространства, распространение трех разных типов бедности (доиндустриальной – в умирающей деревне, индустриальной – в умирающих моногородах и на старых промышленных предприятиях, постиндустриальной – в мегаполисах).

Время. Период долговременных проектов прошел. Планирование на сколько-нибудь долгий срок невозможно. Повседневность теряет свой рутинный, нормальный характер. Краткосрочными становятся не только трудовые контракты, но личные связи и семейные отношения.

Социальная организация. Высший класс отличается глобальным космополитизмом. Действует анонимно и нигде не укоренен. Не подлежит никакой юрисдикции, получает прибыли, не неся издержек. «Мобильность, приобретенная теми, кто инвестирует, – людьми, обладающими капиталом, деньгами, необходимыми для инвестиций, – означает для них поистине беспрецедентное в своей радикальной безоговорочности отделение власти от обязательств: обязанностей в отношении собственных служащих, но также и в отношении молодых и слабых, еще не рожденных поколений и самовоспроизводства условий жизни для всех – одним словом, свободу от обязанности участвовать в повседневной жизни и развитии общества» [2, с. 20].

Растет неравенство. Главная опасность – работодатели не заинтересованы в воспроизводстве трудовых ресурсов: они не знают, кто и где будет работать на них завтра. В краткосрочной перспективе выгодна минимальная оплата и краткосрочные контракты без соцпакета. Отсюда средний класс – рабочие и специалисты, участвующие в прибылях за счет своего человеческого капитала, – либо теряют работу, либо соглашаются на снижение статуса и дохода. Образуется бесправный низший класс – прекариат. Растущая безработица и бедность. В долгосрочной перспективе это порождает глобальное снижение потребительского спроса, производства, деградацию системы профессионального и общего образования, демографические проблемы. Возникает порочный круг: бедность не позволяет строить современное производство, отсутствие рабочих мест увеличивает бедность. Общество похоже на неофеодальное.

Личность. «Неопределенность нашего времени, – пишет З. Бауман, – становится мощной индивидуализирующей силой... Фрагментация жизни приводит к тому, что люди живут эпизодами, при этом жизнь превращается в серию несвязанных между собой событий» [1, с. 160]. Частное вторгается в сферу общественного, вытесняя и изгоняя все, что нельзя целиком перевести на язык частных целей и интересов [1, с. 107]. Востребован абсолютный эгоизм и конформизм, тактическое, а не стратегическое мышление, технократизм. Психология временщика: «после нас – хоть потоп», «пришел, увидел и украл». Под «работой на результат» понимают не качество изготавливаемого продукта, а количество полученных за него денег. Такая «клиенто-ориентированная» экономика постоянно понижает уровень как материальной, так и духовной среды. Техника должна быстро ломаться, стройматериалы правдоподобно, но недолго имитировать жилье, еда состоять из дешевых, но несъедобных компонентов, высшее образование – развлекать студентов. Реакцией на беспардонное манипулирование является абсолютный, безграничный цинизм. Уровень доверия в обществе падает.

Рациональность и здравый смысл. Происходит девальвация общих смыслообразующих систем: как ценностно-рациональной, так и целерациональной. Закономерности в принципе отрицаются. Научный тип мышления, соответствующий обществу «модерна», деградирует и заменяется ситуативным, «клиповым» мышлением. Это позволяет на время отмахнуться от проблем, но не способствует их решению.

В процессе адаптации к повседневным рискам люди вырабатывают новые практики жизнедеятельности.

Распределенный образ жизни (С. Кордонский). «Не держать все яйца в одной корзинке». По возможности люди живут в «полумиграции» – ищут работу, учебу, жилье в нескольких странах, городах, предприятиях, вузах одновременно. Для высшего класса эта тенденция прозрачна и очевидна: двойное и тройное гражданство, оффшоризация экономики, собственность и недвижимость за границей, проживание там семей, образование детей и т.п. Средние слои обычно имеют второе (третье) жилье, иногда значительно удаленное географически: северяне могут стоять квартиру (дом) в Белгородской области или Краснодарском крае, Крыму, чтобы переехать туда в старости, покупают недвижимость в Москве, где учатся их дети, и т.п. На период строительства (а реально – всю жизнь) семья живет на два-три дома, зарабатывая в одном месте, тратя в другом, мужья видят жен и детей иногда несколько раз в год. Наличие у горожан дач также относится к распределенному образу жизни. Для сравнительно состоятельных людей дача выполняет рекреационную и культурную функцию, для более бедных – позволяет вырастить продукты, расселить на время тесную городскую квартиру. Согласно исследованиям Т. Нефедовой, многие москвичи и петербуржцы имеют две дачи – ближнюю (до 100 км от города) и дальнюю (300–400 км). Низшие слои: А) Проживают в городе, но единственный доступный им вид отдыха – поездка к родственникам в деревню. При этом происходит помощь в полевых работах и ремонте, взаимный обмен городских лекарств, продуктов, вещей на деревенские продукты и ресурсы. Иногда горожане не справляются с жизнью в городе, продают или сдают жилье и переезжают в деревню. Так они попадают в группу «Б». Б) Люди живут в деревне, оставляют там

семьи, а зарабатывают в другом месте – как отходники (вахта). По данным Ю.М. Плюснина, их около 20 млн (из общего числа 70 млн работников). Источник их дохода – неравномерное экономическое освоение пространства. Неквалифицированный труд в городе позволяет жить только в малом населенном пункте, где ниже цены на жилье и есть возможность производить продукты. При этом детей отходники стремятся выучить и пристроить в городе, после чего они попадают в группу «А».

Новые формы кооперации и самоорганизации. Единое информационное пространство создает новые возможности преодоления разобщенности и атомизации общества. Интернет дает громадные возможности для формирования новых общностей – политических (что проявилось, например, во время выборов Трампа или акций Навального), экономических (торговые площадки «Али-баба», «Амазон», 100sp; поиск работы, заказ такси и т.д.), культурных, научных (социальные сети, он-лайн музеи, архивы, конференции, дистанционное образование), благотворительных. Они объединяют миллионы людей, могут носить как постоянный, так и ситуативный характер.

Минимизация трудовых усилий. Поскольку связь между трудом и доходом в современном мире разорвана, а риски открытого протеста высоки, при понижении оплаты труда ниже определенной величины работники минимизируют свои трудовые усилия до нуля. Поскольку «эффективные менеджеры» обычно некомпетентны, подчиненные имеют неограниченные возможности для симуляции, производственного брака и прямого саботажа. В публичном поле это проявляется в частом упоминании так называемого «человеческого фактора» техногенных катастроф.

Таким образом, в основе изучения трансформации структур повседневности лежит работа с «документами человеческой жизни». Их анализ и обобщение позволяет выявить повседневные практики и стратегии адаптации к переменам, в которых проявляется не только региональная специфика, но и макросоциальные тренды, действующие в глобальном контексте.

Повседневность сегодня является лабораторией будущего. Риски современности формируют систему вызовов, адаптация к которым приводит к революционным изменениям базовых структур повседневности: воспроизводства населения и социализации подрастающих поколений, трудовой сферы, сферы производства и потребления повседневных благ, форм собственности и взаимодействия с окружающей средой, способов рационализации и языка описания реальности.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Бауман З. Индивидуализированное общество. М.: Логос, 2002. 390 с.
2. Бауман З. Глобализация. Последствия для человека и общества / пер. с англ. М.: Изд-во «Весь мир», 2004. 188 с.
3. Бессонова О.Э. Раздаточная экономика России: эволюция через трансформации. М.: РОС-СПЭН, 2006. 144 с.
4. Буравой М. К теории экономической инволюции: исследование российской эксплоярной экономики // Неформальная экономика. Россия и мир / под ред. Т. Шанина. М.: Логос,

1999. С. 60–72.
5. Глинкина С.П., Куликова Н.В., Синицина И.С. Страны Центрально-Восточной Европы: евроинтерграция и экономический рост: Научный доклад. М.: Институт экономики РАН, 2014. 84 с. URL: https://inecon.org/docs/Glinkina_Kulikova_Sinitsyna_paper_2014.pdf (дата обращения: 05.09.2017)
 6. Зарубина Н.Н. Повседневность в контексте социокультурных трансформаций российского общества // ОНС 2011 №4. С. 52–58. URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/2014/01/16/1251303764/Zarubina.pdf> (дата обращения: 12.09.2017)
 7. Кордонский С.Г. Ресурсное государство: сб. статей. М.: REGNUM, 2007. 108 с.
 8. Коровичина Н.В. Сравнительный опыт общественных преобразований в постсоциалистических странах // Социологические исследования. 2002. № 5. С. 9–18; Её же. Современные восточноевропейские пути на примере Польши // Новая и новейшая история. 2017. № 2. С. 104–115. URL: <http://www.kara-murza.ru/Korovitzyna.pdf> (дата обращения: 10.09.2017)
 9. Мадьяр Б. Анатомия посткоммунистического мафиозного государства: На примере Венгрии / пер. с венг. П. Борисова. М.: Новое литературное обозрение, 2016. 392 с.
 10. Неформальная экономика. Россия и мир / под ред. Т. Шанина. М.: Логос, 1999. 576 с.
 11. Образ жизни в советской и постсоветской России / под общ. ред. А.А. Возьмителя и Г.И. Осадчей. М.: Изд-во РГСУ, 2009. 223 с.
 12. Панарин А.С. Глобальные деконструкции как новейшая стадия нигилизма // Панарин А.С. Русская культура перед вызовом постмодернизма. М.: ИФ РАН, 2005. 188 с.
 13. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2016: стат. сб. М.: Росстат, 2016. 1326 с.
 14. Фадеева О.П. Хозяйственные уклады в современном российском селе // Социологические исследования. 2007. № 11. С. 64–69.
 15. Шляпентох В.Э. Современная Россия как феодальное общество. Новый ракурс постсоветской эры. М.: Столица-Принт, 2008. 368 с.
 16. Шютц А. Смысловая структура повседневного мира. Очерки по феноменологической социологии / пер. с англ. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2003. 336 с.
 17. Clarke S. Making ends meet in contemporary Russia: secondary employment, subsidiary agriculture and social networks. UK. Cheltenham, 2002. 322 p.

УДК: 34(470)«198/201»

РЕФОРМЫ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ КАК ФАКТОР ТРАНСФОРМАЦИИ ДЕСТРУКТИВНЫХ ПРАКТИК: ПРОБЛЕМНОЕ ПОЛЕ И ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ

Лариса Александровна Крушанова,

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела социально-политических исследований Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН. E-mail: larrie@list.ru

В работе рассматривается взаимовлияние динамики преступности и реформирования органов внутренних дел. На статистических материалах конца 1980-х – середины 2010-х гг. показаны изменение уровня преступности, этапы реформы органов внутренних дел, взгляды населения и сотрудников ОВД на реформу. Отмечено, что деструктивным процессам было подвержено не только общество, но и сотрудники органов внутренних дел, а наиболее частыми преступлениями последних было получение взяток. В рамках данной статьи автор выявила проблемное «поле» с позиции концепции повседневности. Сделан вывод о том, что каждая реформа МВД отражала изменения, проходившие в государстве и обществе. Реформы постсоветского периода ставили задачу сделать деятельность органов внутренних дел подконтрольной не только надзорным органам, но и общественным институтам. Главное достижение реформы МВД 2010–2012 гг. – выросшее доверие граждан к сотрудникам ОВД.

Ключевые слова: МВД, органы внутренних дел, реформа, преступность, повседневность.

REFORMS OF LAW ENFORCEMENT BODIES AS A FACTOR OF THE DESTRUCTIVE PRACTICES TRANSFORMATION: PROBLEM FIELD AND PRELIMINARY RESULTS

Larisa Krushanova,

Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, FEB RAS, Vladivostok, Russia. E-mail: larrie@list.ru

In the article, interference of dynamics of crime and reforming of law-enforcement bodies is considered. On the basis of statistical materials of the late 1980s – mid-2010s, dynamics of crime and coefficient of crime, stages of reform of law-enforcement bodies, a views of the population and the staff of Department of Internal Affairs on reforms are considered. The author has revealed that not only society, but also staff of bodies of internal affairs was subject to destructive processes. The most frequent crimes which were committed by militiamen is a taking of bribes. Within this article, the author has revealed problem

field from a position of the concept of daily occurrence. The author comes to conclusions that each reform of the Ministry of Internal Affairs reflected the changes which were taking place in the state and society. Reforms of the Post-Soviet period set a task to make activity of law-enforcement bodies under control not only to supervisory authorities, but also public institutes. The main achievement of reform of the Ministry of Internal Affairs of 2010–2012 – the grown trust of citizens to the staff of Department of Internal Affairs.

Keywords: Ministry of Internal Affairs, Department of Internal Affairs, reform, crime, daily occurrence.

Почти три десятка лет МВД живет в условиях реформ. Начавшиеся на рубеже 1980–1990-х гг. они затронули все сферы социальных отношений советского общества. В это же время в стране менялся и характер преступности, которая постепенно утрачивала черты, типичные для позднесоветского периода, и приобретала другие, обусловленные переходным состоянием общества.

Тема реформирования отечественного МВД относится к числу широко изучаемых. Например, в базе данных научной электронной библиотеки eLIBRARY размещено около 13 тыс. статей и монографий, посвященных данной проблеме. Для нашего доклада представляют интерес те исследования, в которых отражены собственно реформирование органов внутренних дел, имидж его сотрудников, а также история МВД, ОВД и отдельных служб.

Д.Е. Петров указывает, что с момента ухода советского строя в прошлое МВД России было реформировано шесть раз. Причем последняя реформа министерства являлась составляющей политической реформы. Автор отмечает, что предыдущие пять реформ системы органов внутренних дел сочетали в себе функциональные и политические аспекты: борьбу с партийными пережитками в МВД и становление системы борьбы с оргпреступностью при министре В. Ерине, увольнение высокопоставленных коррупционеров МВД при А. Куликове, избавление от избыточных функций и демилитаризацию МВД при С. Степашине, создание мощной, почти автономной системы РУОПов, общее усиление роли МВД в общественно-политических и социально-экономических процессах при В. Рушайло, разгром РУОПов и снижение самостоятельности «силовики» МВД при Б. Грызлове [16, с. 102].

В.А. Кудин отмечает, что реформа МВД 2010 г. предопределялась необходимостью модернизации системы МВД России, ориентированной на совершенствование функционирования органов внутренних дел, адаптацию их к современным реалиям, повышение качества и надежности деятельности по защите интересов личности, общества, государства, что являлось составной частью всеобщей модернизации России. Целью данной реформы должны были стать коррективы в организационно-правовом положении важнейшего элемента системы МВД России — милиции, реализующей широкий комплекс полномочий по противодействию преступности, охране общественного порядка, обеспечению прав и законных интересов граждан и организаций [9, с. 4].

Е.В. Залуцкая считает, что начало реформам положил Закон «О советской милиции» 1991 г. В целом автор выделяет две реформы: первая связана с изменением социального строя и экономики, негативно сказавшихся на эффективности милиции в борьбе с преступностью, вторая – с переименованием милиции в полицию. Главная задача реформы 2011 г. заключалась в создании условий для взаимодействия сотрудников органов внутренних дел с населением [7, с. 194–195].

Об этом говорила в интервью депутат Государственной Думы РФ, член Экспертного совета МВД России по вопросам нормотворческой деятельности Т.Н. Москалькова. Среди задач, решаемых в ходе реформы МВД 2011–2013 гг., стояли переход к партнерской модели отношений уровня «государство — гражданин», «общество — личность», усиление общественного контроля над деятельностью полиции, повышение правовой грамотности и правовой культуры, улучшение социальной защищенности сотрудников полиции и т.д. В новой модели, как отмечает Т.Н. Москалькова, заложены два основных элемента — общество и полиция. Иными словами, конечным результатом реформы должно стать не общество для полиции (милиции), а полиция для общества [17, с. 2].

Продолжение этой мысли мы находим в статье В.И. Майорова. Важным показателем деятельности милиции/полиции является общественное доверие к ней со стороны граждан. Реформирование органов внутренних дел одной из задач имело установление тесного взаимодействия полиции с формирующимися в стране институтами гражданского общества и гражданами с целью обеспечения правопорядка [11, с. 26].

В то же время Д.Е. Петров считает, что реформа МВД 2009–2010 гг. не была попыткой власти решить имиджевую проблему, возникшую в результате серии громких преступлений, совершенных сотрудниками милиции, и шокирующих признаний представителей системы, как это склонны понимать некоторые исследователи. Он полагает, что имиджевая проблема была искусственно создана властью через СМИ. И действительно, через СМИ до обывателя доставлялась информация о том, что уровень коррупции в полиции высокий, а эффективности правоохранительной деятельности — низкий. Тем самым обеспечивался рост возмущения в обществе, ставший достаточным информационным фоном для подписания Указа Президента РФ от 24 декабря 2009 г. № 1468 «О мерах по совершенствованию деятельности органов внутренних дел Российской Федерации». Благодаря грамотной информационной подготовке данный нормативный документ был воспринят обществом как воплощение его ожиданий в воле государства, а радикальные меры президентского указа — адекватными ситуации и направленными исключительно на повышение эффективности органов внутренних дел [16, с. 102].

В 2016 г. прошла ещё одна организационная реформа МВД, связанная с упразднением Федеральной миграционной службы (ФМС) и Федеральной службы по контролю за оборотом наркотиков (ФСКН). Ей посвящена статья Н.В. Сплавской. Среди причин возвращения двух самостоятельных структур в структуру МВД отмечается дублирование функций МВД с функциями ФСКН и ФМС, а также необходимость оптимизации расходов. Несмотря на неоднозначное восприятие реформы, автор признает ее целесообразность, поскольку направлена она, в первую очередь, на повышение эффективности деятельности МВД как основного субъекта предупреждения преступности, т.е. именно на качественное изменение правоохранительной системы [21, с. 75–78].

В целом в работах этого направления анализируются причины реформирования МВД РФ, цели, задачи и результаты. Итоги реализации реформы МВД 2009–2010 гг. рассматриваются с позиции организационно-структурных преобразований. К сожалению, нам не удалось выявить публикации, в которых причинами реформ были бы названы низкий уровень эффективности и моральный облик сотрудников ОВД.

В отличие от предшественников мы предприняли попытку рассмотреть реформу МВД с позиции восприятия ежедневной работы рядового сотрудника ОВД, опираясь на междисциплинарный подход с использованием концепции повседневности. Не останавливаясь на анализе самой теории повседневности, выделим некоторые введенные известными авторами формулировки, значимые для нашего исследования. Согласно А. Шюцу, повседневность – это сфера человеческого опыта, характеризующаяся особой формой восприятия и осмысления мира, возникающая на основе трудовой деятельности, обладающая рядом характеристик, среди которых – уверенность в объективности и самоочевидности мира и социальных взаимодействий [22, с. 129]. В.Д. Лелеко определяет повседневность как «установку сознания на принятие действительности как данности» [10, с. 77].

С какой же данностью пришлось столкнуться сотрудникам милиции в конце советского периода? В середине 1980-х гг. власть объявила войну пьянству. Уже в 1987 г., то есть по прошествии двух лет с начала этой борьбы, кривая преступности пошла резко вниз, достигнув уровня начала 1970-х гг. Если в 1985 г. было зарегистрировано 1,41 млн преступлений*, то в 1987 г. – 1,18 млн [18, с. 11], или на 16,3% меньше.

Однако в 1988 г. ситуация стала меняться. Антиалкогольная кампания дала неоднозначные результаты. С одной стороны, она благоприятно сказалась на уровне смертности и травматизма на производстве, а главное – снизилась так называемая «пьяная» преступность. Сократилось и количество тяжких и особо тяжких преступлений. Но с другой стороны, появилась «теневая» торговля алкогольной продукцией и, соответственно, категория граждан, которая незаконно зарабатывала на этом: самогонщики, а также лица, имевшие доступ к легальному алкоголю, но продававшие его по спекулятивным ценам [3, с. 102–103]. Только в 1989 г. в СССР «теневые доходы» таких лиц составили 23 млрд руб., а в 1990 г. – уже 35 млрд руб. [8, с. 256].

Сворачивание антиалкогольного курса, начало экономических реформ и нарастание общего кризиса в стране стали причинами быстрого роста преступности. Если в 1987 г. в РСФСР было зарегистрировано 1,19 млн преступлений, то в 1991 г. – 2,17 млн, а общий коэффициент преступности (число преступлений на 100 000 чел. населения) вырос с 816,9 до 1463,2 [18, с. 18].

Резко выросла экономическая преступность (увеличение уголовных дел аналогичных «узбекскому»), появились организованная преступность (например, «третья смена») и новые виды преступлений («крышевание», рэкет, киднеппинг, новые виды мошенничества, налоговые преступления), наблюдалось сращивание управленческого аппарата и сотрудников правоохранительных органов с криминалом, появились виды преступлений, контролируемые оргпреступностью (проституция, наркобизнес, контрабанда природных ресурсов – леса, рыбы, дериватов, объектов дальневосточной флоры и фауны), новым явлением стали преступления, совершенные иностранными гражданами либо в отношении иностранных граждан.

Такой негативный процесс не мог остаться незамеченным как сотрудниками органов внутренних дел, так и руководством страны. На сложившуюся ситуацию участники борьбы с преступностью отреагировали достаточ-

* ЦА МВД РФ. Ф. 4. Оп. 2. Д. 818. Л. 17–35.

но быстро. Эту реакцию можно выразить следующей схемой (см. рис. 1). Но каждая из сторон-участниц понимала, что правоохранительной системе необходимы реформы.

Рис. 1.

Реакция правительства и сотрудников ОВД на рост преступности (конец 1980-х – начало 1990-х гг.)

Правительство ответило на это созданием новых структур, которые должны были более оперативно реагировать на конкретные преступления и ситуации (ОМОН, СОБР, управление по борьбе с оргпреступностью, налоговая полиция). Некоторым действующим подразделениям, борющимся с отдельными видами преступлений, придали новый статус (например, в самостоятельное подразделение выделены управления/отделы по борьбе с экономическими преступлениями – ГУБХСС, УБЭП). Появились новые органы (ФМС, ФСКН), а также структуры, контролирующие деятельность самих сотрудников ОВД (управления/отделы собственной безопасности, декабрь, 1995 г.).

Особые изменения коснулось законодательства. Так, некоторые виды преступлений были декриминализированы (например, перестали считаться преступлением проституция, спекуляция, в том числе валютная, употребление наркотиков), но в УК были внесены статьи о новых видах преступлений. В ряде случаев изменялись сроки наказания. Более жестко стали караться сотрудники ОВД за нарушение закона об оперативно-розыскной деятельности, в том числе при сборе доказательств и ведении допросов задержанных и подозреваемых. Уделялось внимание также расширению форм получения доходов сотрудниками ОВД (при В. Бакатине им разрешалось работать по совместительству вне службы; в 2002 г. монетизировались льготы).

Перестройка и гуманизация уголовного законодательства 1990-х гг. привели к непредвиденным реформаторами результатам: часто возникали противоречия между сотрудниками уголовного розыска, с одной стороны, и следствием и/или судами – с другой, став еще одной причиной слабости управления. Иногда подозреваемых, либо мелких преступников необоснованно, по мнению сотрудников ОВД, отпускали: «Мы их (преступников – прим.) ловим, а они (следователи или судьи – прим.) их выпускают», – вспоминал И.Ш., пришедший работать в 1991 г. в Дальнегорский городской отдел

милиции (ГОМ)*. Некоторые принципиальные работники, как правило, высококвалифицированные профессионалы уходили из органов. Ситуацию усугубляли невысокие заработки у среднего и низового звеньев, а в середине 1990-х гг. – задержки заработной платы на 3–4 месяца.

В этих условиях деятельность милиции оказалась подвержена общим процессам разложения, характерным в целом для партийно-государственного аппарата, и «реорганизации» не имели особой результативности, ухудшала положение и кадровая чехарда. За 9 лет после Н. Щелокова сменилось шесть министров внутренних дел СССР: В. Федорчук (1982–1986), А. Власов (1986–1988), В. Бакатин (1988–1990), Б. Пуго (1990–1991), В. Баранников (1991) [14]. И при каждой такой ротации не было случая, чтобы не рушились одни структуры и не изобретались новые, чтобы не ломались судьбы десятков специалистов высокого класса, готовившихся годами, офицеров и генералов.

Самый значимый «вклад» в разрушение Министерства внутренних дел, по мнению сотрудников, многие годы отдавших службе в правоохранительной системе, внес В. Бакатин. Не являясь профессионалом милицейской службы, он стал своего рода «комиссаром» перестройки в МВД. В частности, в соответствии с его приказом был ликвидирован институт осведомителей, который являлся неотъемлемым условием эффективного функционирования органов внутренних дел. Не меньший урон милицейскому ведомству нанес его приказ, по которому сотрудники ОВД получили право работать по совместительству [19], что в условиях 1990-х гг. был первым шагом к развалу правоохранительной системы как таковой [14].

Ситуацию усугубляло отношение государства к милиции в целом. В середине 1990-х гг. многомесячные невыплаты заработных плат ставили под угрозу не только эффективность борьбы с преступностью, но и здоровье семей милиционеров. Отсутствие денег в семье делало невозможным оплачивать коммунальные услуги, покупать одежду и продукты. Как вспоминал сотрудник Дальнегорского ГОМ И.Ш.: «Ежемесячно нам давали пайки. Набор был разный. Примерно два раза в год давали по полмешка сахара, муки, ежемесячно растительное масло, несколько банок тушенки или 2 кг мяса. Давали какие-то овощи, но я их не брал, у нас была дача. Овощи отдавал тем коллегам, у кого были дети и не было дачи. Когда денег не было, мама из муки пекла лепёшки. Вот так обходились без хлеба»**.

В свою очередь на изменения отреагировали и сотрудники ОВД. Так, реакцией на жёсткие ограничения способов сбора оперативной информации, доказательств, ведения допроса и следствия стали массовые увольнения сотрудников из органов по собственному желанию. За два года (1987–1988) в СССР каждый шестой сотрудник уволился из уголовного розыска (7,7 тыс. чел.), из БХСС – 3,5 тыс. чел., из органов следствия – 3,1 тыс. К концу 1980-х гг. из числа продолживших службу в уголовном розыске и БХСС около половины сотрудников имели стаж менее трех лет. Между тем накануне этого периода органы правопорядка уже испытывали недокомплект кадров: на 1 марта 1985 г. в милиции он составлял 62,6 тыс. чел., в том числе в уголовном розыске – 1,5 тыс., в БХСС – 1,2 тыс., среди участковых – 1,3 тыс.

* Интервью с И.Ш., 1969 г.р. Владивосток, ноябрь, 2015 г. // Личный архив Л.А. Крушановой.

** Интервью с И.Ш.

Еще одной формой реакции сотрудников ОВД на реформирование стал рост правонарушений среди них самих, игнорирование ограничений по сбору оперативной информации, доказательств, следствия и допроса задержанных и подозреваемых. Так, в 1988 г. к ответственности за нарушения законности привлекли 9,9 тыс. сотрудников (рост составил 12,2% по сравнению с 1987 г.), в том числе к уголовной ответственности – 1 475 чел., наказаны за укрытие и фальсификацию почти 2 тыс. чел. За три года (1987–1989) к уголовной ответственности за предательство и совместные с преступниками действия привлечено более 600 работников [12, с. 117].

Фальсификация материалов продолжала использоваться в ОВД и в более поздний период. Так, В.Г., следователь одного из районных отделений Владивостока в 1998–2009 гг., в интервью сказал: «Из тех, кто уволился на пенсию после 10 лет работы в органах, каждый второй имеет либо судимость, либо привлекался к уголовной ответственности. Невозможно было работать без нарушений. В нашем отделе следователя “отправили” на пенсию после того, как выявили, что в постановлении о продлении срока содержания под стражей подозреваемого была подделана подпись начальника отдела. А что было делать, если начальника невозможно было застать на месте, а расследование еще не закончено?»*.

С.М., следователь Дальнегорского ГОМ, в 1998 г. также была уволена, правда, без возбуждения уголовного дела, за фальсификацию: из материалов дела убрала документ не первостепенной важности. На вопрос, зачем она это сделала, ответила: «Мать его пожалела. Она приходила, плакала, говорила, что одна его растила, а если его посадят, то одна она не справится в частном доме. Отсутствие той «бумажки» в деле не снимало с этого парня обвинение, но возможно вместо реального срока суд мог вынести решение об условном наказании. Ему тогда дали условный срок, но через год он сел уже реально»**.

В 2010 г. за злоупотребления были уволены зам. начальника и главный бухгалтер Владивостокского филиала Дальневосточного юридического института МВД России с возбуждением уголовных дел.

При таких условиях логично было бы предположить, что служба собственной безопасности (ССБ) правоохранительных органов должна была быть завалена работой. Один из современных сериалов «Ментовские войны» как раз показывает, что главного героя, реально ведущего борьбу с преступностью, постоянно пытаются «поймать» сотрудники из отдела собственной безопасности. На вопрос, так ли это было в 1990-х гг. на самом деле, И.Ш. ответил, что «...в те годы ССБ интересовали только “гаишники”, иногда следователи, а оперативники, участковые и “пэпээсники” их не интересовали»***.

Общие результаты реформ МВД в 1989–2009 г. можно кратко охарактеризовать следующими фактами.

- Численность сотрудников МВД выросла: в конце советского периода – 628 тыс. чел. [15], а перед реформой 2009 г. – 1 325 тыс. чел. [4].
- Обострилась проблема квалифицированных кадров. По имеющимся данным, с 1992 г. было уволено почти 635 тыс. чел. К концу 1990-х гг.

* Интервью с В.Г., 1972 г.р., Владивосток, январь, 2016 г. // Личный архив Л.А. Крушановой.

** Интервью с С.М., 1975 г.р., Дальнегорск, август, 2017 г. // Личный архив Л.А. Крушановой.

*** Интервью с И.Ш.

доля юристов с высшим образованием среди начальствующего состава составляла около 16,5%, тогда как в 1993 г. превышала 20% [12, с. 124].

- Снизилась эффективность раскрытия преступлений. В 1985 г. были раскрыты 9,8% уголовных дел (по состоянию на 1990 г. нераскрытыми оставались – 2,2 млн. преступлений, и с учета сняли 8445 преступлений прошлых лет*). В 2009 г., по сообщению Р. Нургалиева, сотрудники МВД раскрыли 85% из 1,3 млн преступлений [13]. Но на расширенном заседании Коллегии МВД России по итогам работы органов внутренних дел в 2009 г. Д. Медведев указал, что в 2009 г. раскрывалось лишь каждое второе преступление, не раскрыты более 1,3 млн преступлений, из них каждое четвертое — это тяжкое и особо тяжкое, в том числе по 2 тыс. убийств и покушений на убийства, 760 тыс. краж и более 124 тыс. грабежей [20].
- Выросло число злоупотреблений, должностных преступлений и пьянства среди сотрудников ОВД. В 2009 г. сотрудниками ОВД было совершено 2411 преступлений коррупционной направленности и 1420 общеуголовных преступлений [1].
- Население перестало доверять милиции. Так, в 1999 г., по данным ВЦИОМ, уровень такого недоверия составил 60%.

К концу 2009 г. назрела необходимость новых реформ. В СМИ активно обсуждался рост злоупотреблений, пьянства и должностных преступлений [5], население стало воспринимать милицию негативно. Объективные данные подтверждали обоснованность таких настроений. В 2010 г. было возбуждено 4171 уголовных дела, что на 8,8% больше, чем в 2008 г. Удельный вес «милицейской» преступности в общей массе преступлений составлял 0,1—0,2%; было выявлено более 125 тыс. правонарушений, совершенных сотрудниками ОВД (+21% по сравнению с 2009 г.). На централизованный учёт поставлено около 67 тыс. сотрудников ОВД (+12%), в том числе 63 тыс. — за совершение дисциплинарных проступков (+13%) [6].

Таким образом, реформа нужна была для того, чтобы: снизить количество злоупотреблений со стороны сотрудников ОВД; повысить профессионализм сотрудников ОВД до уровня, позволяющего более оперативно раскрывать преступления и предупреждать их совершение; вернуть милиционеру положительный имидж, подобный тому, который был в советское время.

Основные направления реформы 2010–2012 гг. рассмотрены в выступлении М.Г. Ильиной (см. данный сборник).

Завершающим этапом, на наш взгляд, стало объединение в 2016 г. МВД с МЧС и ФСКН с целью исключения дублирования должностных функций и полномочий и сведение к минимуму возможность злоупотреблений.

О том, что реформы имели позитивные результаты, по крайней мере, в части взаимоотношения полиции с обществом, свидетельствуют соцопросы (см. рис. 2, 3). Так, в 2013–2015 гг., согласно данным ВЦИОМ (выборка 1600 чел. в 130 населенных пунктах), вырос уровень доверия к сотрудникам полиции (на 46%). При этом оценили работу полиции на «хорошо» и «очень хорошо» 25% опрошенных, что на 12% больше по сравнению с аналогичным показателем 2005 г.

* ГА МВД РФ. Ф. 4. Оп. 2. Д. 818. Л. 17; Оп. 3. Д. 225. Л. 508.

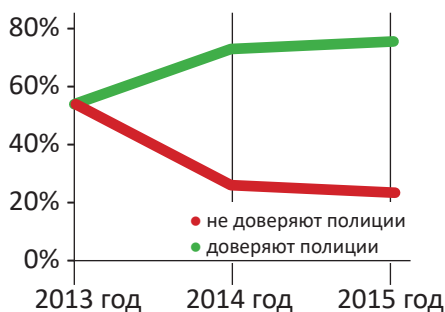

Рис. 2.

Результаты исследования общественного мнения о доверии населения полиции (2013–2015 гг.).

Источник: Официальный сайт МВД РФ. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/publicopinion>

По результатам другого опроса, произведенного экспертами Российского государственного социального университета в 2016 г. (опрошено 48 800 респондентов), общий показатель общественного доверия полиции составил 67%. Уверены в высокой степени защищенности своих личных и имущественных интересов более 46% граждан, проживающих в Тюменской, Московской, Тульской областях, Республике Саха-Якутия, в ХМАО-Югре, Чеченской Республике, Республике Чувашия, г. Санкт-Петербурге и Ленинградской области, Омской области. Наименее уверены в собственной защищенности жители Кемеровской, Амурской, Челябинской и Волгоградской областей. По опросам ФГКУ «ВНИИ МВД России» (декабрь, 2016; опрошено 94 тыс. чел.) складывается следующая картина уверенности населения в защищенности личных и имущественных интересов (см. рис. 3).

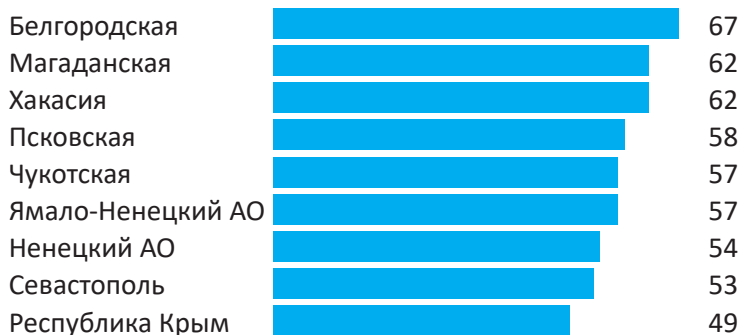

Рис. 3.

Регионы с наивысшим уровнем уверенности в защищенности личных и имущественных интересов. Источник:

Официальный сайт МВД РФ. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/publicopinion>

Подводя итог сказанному, отметим, что российская милиция прошла тот же путь адаптации к реалиям, что и российское общество в целом. Реформы 1990-х гг. подорвали веру населения не только в органы управления, но особенно в правоохранительные органы. По сравнению с 1990-ми гг. реформе 2010–2016 гг. удалось решить наиболее важные задачи: снизить уровень преступности и повысить доверие граждан к сотрудникам ОВД. Но, по сравнению с советским периодом, некоторые результаты для современных полицейских оказались недостижимыми (например, по уровню преступности среди сотрудников и показателям раскрываемости).

Таблица 1

Количество зарегистрированных преступлений по линии уголовного розыска в 1985 г. по сравнению с 1984 г.

	Приморский край		Хабаровский край		Амурская область		Камчатская область		Магаданская область		Сахалинская область		РСФСР	
	число	%	число	%	число	%	число	%	число	%	число	%	число	%
1 Умышленное убийство	179	-2,7	198	11,6	72	-14,3	27	-25,0	32	15,8	46	-14,8	9630	9,2
2 Покушение на убийство	36	-5,3	60	11,1	20	-20,0	6	70,0	15	7,1	24	-20,0	142	9,0
3 Умышленные тяжкие телесные повреждения	536	17,3	643	-9,4	238	-15,0	79	-34,2	121	11,0	151	-26,3	28381	-13,4
4 Изнасилования	158	37,3	138	-8,6	59	23,4	39	-27,8	33	-13,3	68	-16,0	9082	9,3
5 Разбой	201	6,9	213	-16,8	31	-6,1	13	-31,6	11	10,0	33	-5,7	8264	-8,0
6 Грабеж	1239	7,4	1234	5,1	245	0,8	94	-6,9	72	-21,7	126	-37,6	42794	-13,5
7 Кража государственного и общественного имущества	2253	1,7	2269	11,1	979	3,1	281	-1,4	377	-9,6	431	-7,5	132368	1,3
8 Хулиганство	1837	4,5	1971	-12,0	423	-12,8	263	-21,7	409	11,5	569	3,3	143114	-6,2

Таблица составлена по: ЦА МВД РФ, Ф. 4. Оп. 2. Д. 818. Л. 17-35.

Таблица 2

Характеристика преступности в РФ в 2013–2016 гг.

		2013		2014		2015		2016	
		% к 2013 г.		% к 2013 г.		% к 2014 г.		% к 2015 г.	
1	Зарегистрировано, тыс. (прирост по сравнению с АППГ)	2206,2		2166,4	- 1,8	2352,1	+8,6	2160	- 9,6
2	Погибло, тыс. чел.	36,7	- 5,1	35,0	- 4,6	32,9	- 6		
3	Получили тяжкий вред здоровью, тыс. чел.	52,8	+4,3	52,6	- 0,4	48,8	7,2		
4	Ущерб от преступлений, п. 2-3, млрд. руб.	386	+44,2	349,4	- 9,5	436,5	+24,9		
5	Удельный вес тяжких и особо тяжких преступлений	24,4	- 0,4	24,3	- 0,1	21,8	- 2,5	21,2	- 11,9
6	Виды преступлений против личного имущества граждан:								
	кражи (тыс.)	922,6	- 7	891,9	- 3,3	996,5	+11,7	871,0	- 14,5
	грабеж (тыс.)	92,1	- 16,3	76,2	- 17,3	71,1	- 6,7	61,5	- 15,4
	разбой (тыс.)	16,4	- 11,8	14,2	- 13,7	13,4	- 5,4	11,4	- 16,3
7	Экономические преступления	141,2	- 18,4	107,3	- 24,0	111,2	+ 3,7%	93,0	- 16,3
8	Материальный ущерб по п. 7, млрд. руб.	229,8		194,5		271,5			
9	Преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков, тыс.	231,5	+ 5,7	253,5	+ 9,5	243,8	- 7,4		
10	Преступления:								
	Террористической направленности	662	+ 3,8	1127	+ 70,5	1531	+ 35,8		
	Экстремистской направленности	896	+28,7	1024	+ 14,3	1308	+ 27,7		
	Раскрыто преступлений, тыс.	1238	- 1,2	1176	- 5	1238,7	+ 5,3	1187,7	- 5,2
	Не раскрыто, тыс.	950,3	- 6,3	948,6	- 0,2	1026	+ 8,2	972,5	- 11,3
	в т.ч. тяжких и особо тяжких, тыс.	24,6	+ 2,4	25,4	+ 0,8	22,5	- 2,9		

Примечание: Таблица составлена на основе статистики о преступности официального сайта МВД России.

Таблица 3

**Динамика совершенных преступлений, совершенных сотрудниками
МВД и ОВД в 2012–2014 гг.**

	2012		2013		Первое полугодие 2014 г. (число)
	число	% к 2011 г.	число	% к 2012 г.	
Всего	4759	-5,2	4634	-2,6%	1656
в т.ч. коррупционных	2762	-8,0	2642	-4,3%	1010
в т.ч. за взятки	488	-21,3	629	-1,9%	314

Примечание: Таблица составлена на основании справок «О мерах по обеспечению собственной безопасности и противодействию коррупции в системе ОВД», размещенных на официальном сайте МВД РФ. Со второй половины 2014 г. справки «О мерах по обеспечению собственной безопасности и противодействию коррупции в системе ОВД» заменены на «Информацию о положительных примерах профилактики коррупционных правонарушений».

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Ануфриева Е.А. О некоторых особенностях криминалистической характеристики коррупционных преступлений, совершаемых сотрудниками ОВД. URL: <http://kriminalisty.ru/stati/o-nekotoryh-osobennostjah-kriminalistich.html> (дата обращения: 29.09.2017).
2. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания. М.: Моск. филос. фонд и др., 1995. 322 с.
3. Васьук А.С., Крушанова Л.А. Антиалкогольная политика в СССР в годы перестройки и её последствия в дальневосточном регионе // Россия и АТР. Владивосток, 2014. № 4. С. 94–108.
4. Владимир Путин сократил штатную численность МВД // Сайт Российской газеты. URL: <https://rg.ru/2015/07/13/sokrashenie-site.html> (дата обращения: 01.10.2017).
5. Громкие преступления, совершенные сотрудниками МВД в 2009–2012 гг. URL: <https://ria.ru/spravka/20120427/628437721.html> (дата обращения: 01.10.2017).
6. Департамент собственной безопасности МВД России. URL: https://professional.ru/Soobschestva/korrupciya_v_rossii_i_uscherb_ot_eyo/departament_sobstvennoj_bezopasnosti_mvd_rossii (дата обращения: 02.10.2017 г.).
7. Залуцкая Е.В. Анализ реформ правоохранительных органов РФ 1991–2016гг. // Ростовский научный журнал. 2017. № 2. С. 192–211.
8. Исторические проблемы социально-политической безопасности российского Дальнего Востока (вторая половина XX – начало XXI в.). Кн. 1. Дальневосточная политика: стратегии социально-политической безопасности и механизмы реализации. Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2014. 360 с.
9. Кудин В.А. Шаги реформы: от милиции к полиции // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2010. № 3. С. 4–10.
10. Лелеко В.Д. Пространство повседневности в европейской культуре. СПб.: Санкт-Петербургский гос. ун-т культуры и искусств, 2002. 320 с.
11. Майоров В.И. Формирование партнерства в деятельности полиции // Вестник Уральского института МВД России. 2014. № 4. С. 26–29.
12. Мулукаев Р.С., Малыгин А.Я., Епифанов А.Е. История отечественных органов внутренних дел. М.: Медиа Трейд Компания, 2005. 336 с.
13. Нургалиев отчитался о раскрытии преступлений в 2009 году. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/1272854> (дата обращения: 20.09.2017).
14. Органы внутренних дел в период перестройки. URL: <http://helpiks.org/2-42565.html> (дата обращения: 22.09.2017).

15. От НКВД Советской милиции – к МВД СССР // Сайт Грозные будни. URL: <http://1917.ixbb.ru/viewtopic.php?id=776> (дата обращения: 24.01.2012).
16. Петров Д.Е. Политико-ресурсные аспекты реформы органов внутренних дел в современной России // Известия Саратовского университета. 2011. Т. 11. Серия: Социология. Политология. С. 102–105.
17. Правовые аспекты создания профессиональной полиции: ожидаемые результаты реформы (интернет-интервью Т.Н. Москальковой, депутата Государственной Думы РФ, члена Экспертного совета МВД России по вопросам нормотворческой деятельности Информационному агентству «КонсультантПлюс») // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2011. № 35. С. 2–11.
18. Преступность и правонарушения. 1991: стат.сб. М.: Финансы и статистика. 1992. 176 с.
19. Приказ МВД СССР от 24.01.1990 № 2 «О дальнейшем расширении прав Министров внутренних дел союзных республик» // Сайт Библиотека нормативно-правовых актов СССР. URL: <http://www.libussr.ru> (дата обращения: 12.09.2016).
20. Сидоров А.С. К вопросу о понятии и содержании «раскрытия» преступлений // Сайт Адвокат в Тюмени: <https://advokatsidorov.ru/ponyatie-i-soderzhanie-raskrytiya-prestuplenij.html> (дата обращения: 28.09.2017).
21. Сплавская Н.В. Очередная реформа МВД РФ: достижения и проблемы в разрезе эффективности работы субъектов предупреждения преступности // Вестник СевКавГТИ, 2016. Вып. 3. С. 75–78.
22. Щюц А. Структура повседневного мышления // Социологические исследования. 1988. № 2. С. 120–136.

УДК: 34(470)«201»

РЕФОРМА МВД РОССИИ 2010–2012: ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ

Марианна Геннадьевна Ильина,

кандидат юридических наук, преподаватель кафедры уголовного процесса ВФ ДВЮИ МВД России, Владивосток.

E-mail: marianna_super@mail.ru

В статье рассматриваются социальный контекст и основные направления реформы российской полиции в 2010–2012 гг. с точки зрения их сотрудников. Автор акцентирует внимание на таких аспектах, как кадровый профессионализм, открытость для доверия, оптимизация, доступность правоохранительной помощи, адекватные ответы новым вызовам и угрозам.

Ключевые слова: реформа, полиция, милиция, МВД, служба, коррупция в ОВД.

REFORM OF THE RUSSIAN POLICE IN 2010–2012: THE MAIN DIRECTIONS

Marianna Iliina,

Far Eastern Juristical Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Vladivostok branch).

The article explores the social context and main directions of the Russian police in 2010–2012 from personnel point of view. The author considers such areas as professionalism, transparency for trust, optimization, accessibility of law enforcement assistance, adequate answers to new challenges and threats.

Keywords: reform, police, Ministry of Internal Affairs, service, corruption in ATS.

Целью исследования является анализ теоретических и практических проблем проведения реформы органов внутренних дел Российской Федерации в широком социальном контексте. Для достижения указанной цели в исследовании были поставлены задачи: выявить причины реформы системы органов внутренних дел, провести анализ основных направлений реформы полиции.

Реформа органов внутренних дел началась после издания Указа Президента России от 24 декабря 2009 г. № 1468 «О мерах по совершенствованию деятельности органов внутренних дел Российской Федерации» [2]. В данном указе были сформулированы следующие причины реформирования системы органов внутренних дел.

1. Нарушения сотрудниками милиции законности и служебной дисциплины, которые вызывают обоснованную негативную реакцию в обществе и умаляют авторитет власти. Так, 27 апреля 2009 г. начальник районного ОВД «Царицыно» майор милиции Д.В. Евсюков открыл стрельбу, в результате, который были убиты два человека и семеро ранены. 19 февраля 2010 г. Евсюков был признан виновным и приговорён к пожизненному заключению.

2. Несоответствие структуры органов внутренних дел РФ, кадрового, финансового, материально-технического обеспечения современным требованиям к их деятельности. Необходимо было максимально удовлетворить потребности в компьютерной и криминалистической технике, автотранспорте, повысить уровень информационно-аналитического обеспечения.

От проведенной реформы большинство работников правоохраны ожидали формирования новой системы социальной защиты сотрудников полиции и членов их семей, повышения уровня материального стимулирования, а также принятие законодательных актов, соответствующих международным стандартам работы полиции.

В реформе были определены следующие направления [1].

Первое – повышение кадрового профессионализма и борьба за чистоту рядов. Реформирование предполагало усиление борьбы с коррупцией в органах внутренних дел. Особое внимание уделялось фактам незаконного обогащения сотрудников ОВД. Требовалось установить повышенный контроль над подразделениями государственной инспекции по безопасности дорожного движения и отделами по борьбе с экономическими преступлениями. Ведущим внутриведомственным подразделением, деятельность которого была направлена на борьбу с коррупцией, являлось подразделение собственной безопасности.

Необходимо было исключить случаи сокрытия преступлений и происшествий среди личного состава. Использовалось принуждение к увольнению виновных по собственному желанию, проведение проверок по каждому факту криминальных проявлений сотрудников для выявления причин и условий нарушений законности, правовых и этических норм.

Ставилась задача сформировать единую информационную базу данных о поступивших в отношении сотрудников полиции жалоб и заявлений, иной информации критического содержания. На ведомственных Интернет-сайтах и в СМИ стали публиковать информацию о мерах, принятых в отношении нарушителей служебной дисциплины и законности, а также их руководителей, не обеспечивших должный уровень воспитательной и профилактической работы с подчиненными. На официальном сайте МВД России содержится информация о проведенных в отношении сотрудников ОВД исследований комиссии по соблюдению требований к служебному поведению и урегулированию конфликта интересов [3].

Следовало ужесточить ответственность руководителей всех степеней за противоправные действия в отношении подчиненных. Признание в установленном порядке действий руководителя незаконными должно влечь за собой обязательную дисциплинарную ответственность руководителя, принявшего соответствующее решение.

Второе – открытость для доверия. В соответствии с данным направлением доверие должно основываться на открытости системы МВД для граждан. Граждане должны знать, что и зачем делает система МВД, соответствуют ли эти действия потребностям общества. Необходим постоянный мониторинг общественного мнения о работе полиции, взаимный обмен информацией, быстрое реагирование на все нужды и запросы общества, прозрачность основополагающих решений в сфере борьбы с преступностью и обеспечения безопасности. Вместе с тем открытость должна иметь допустимые пределы, не нарушающие принципов конспирации в оперативно-розыскной деятельности, тайну следствия, защиту свидетелей и потерпевших и другие ограничения, содержащиеся в законодательстве. Так, на официальном сайте Управления МВД России по Приморскому краю содержатся обзоры об организации рассмотрения письменных и устных обращений граждан [4]. Данные материалы обеспечивают открытость работы с обращениями граждан, которая является одним из критериев оценки эффективности выполнения органами внутренних дел задач по борьбе с преступностью, обеспечению правопорядка и общественной безопасности и находится на постоянном контроле у руководства УМВД РФ по Приморскому краю.

Третье – оптимизация. На первом этапе реформы была сокращена численность подразделений милиции. В соответствии со ст. 2 Указа Президента России от 24 декабря 2009 г. № 1468 «О мерах по совершенствованию деятельности органов внутренних дел Российской Федерации» сокращение должно составить 20% численности сотрудников органов внутренних дел [2].

Нуждалась в изменениях структура органа МВД регионального и муниципального уровней. Так, на уровне городских и районных органов внутренних дел следовало укрепить подразделения уголовного розыска, участковых уполномоченных полиции и патрульно-постовой службы. Вместе с тем необходимо было сократить на этом уровне численность руководителей структурных подразделений, перераспределять штатную численность.

Четвертое – доступность правоохранительной помощи. Реализация данного направления была возможна путем оптимизации нормативного и организационного порядка выявления, приема, регистрации, учета заявлений и сообщений о преступлениях, а также процессуальное обеспечение их объективной оценки и расследования.

Предлагалось совместно с Генеральной прокуратурой РФ инициировать ускорение работ по подготовке проекта федерального закона «О единой государственной системе регистрации и учета преступлений». Данная задача носила межведомственный характер, и в ее основу легла разрабатываемая по заказу Генпрокуратуры федеральная база формирования и ведения сводных статистических данных, предоставляемых правоохранительными органами. Проводилась её опытная апробация. Необходимо было провести работу по созданию государственной автоматизированной системы обработки всей поступающей информации о совершенных преступлениях и их раскрываемости. Планировалось создать федеральный центр обработки статистических данных о состоянии преступности.

Пятое – адекватные ответы новым вызовам и угрозам. В целях усиления борьбы с организованной преступностью, выявления, раскрытия и расследования преступлений, совершаемых членами преступных сообществ

(организаций), необходимо было модифицировать в МВД России объединенный банк данных о региональных, межрегиональных и транснациональных преступных сообществах (организациях).

Учитывая международную значимость и остроту вопросов борьбы с сексуальной и трудовой эксплуатацией, торговлей человеческими органами и тканями, организованными формами незаконной миграции, производством и распространением детской порнографии, необходимо было создать при МВД России Межведомственную комиссию по противодействию торговле людьми.

В целях усиления борьбы с террористическими и экстремистскими проявлениями требовалось оптимизировать работу по розыску лиц, объявленных в межгосударственный розыск, за совершение преступлений террористического и экстремистского характера.

Необходимо было подготовить ведомственные нормативные документы МВД по реализации Порядка установления уровней террористической опасности. Следовало четко и детально определить конкретные действия всех подразделений полиции — от центрального аппарата до городских и районных органов внутренних дел на разных уровнях опасности. Важно было обучить сотрудников полиции действиям в различных ситуациях опасности.

Рассмотренные направления реформы органов внутренних дел в период с 2010–2012 гг. являлись основными. Главной целью было формирование полиции как государственного института, пользующегося высоким доверием граждан, способного дать адекватный ответ угрозам и вызовам XXI в.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Дорожная карта дальнейшего реформирования органов внутренних дел Российской Федерации. URL: <https://rg.ru/2013/02/04/karta-mvd-site-dok.html> (дата обращения: 15.10.2017).
2. Указ Президента Российской Федерации от 24 декабря 2009 г. № 1468 «О мерах по совершенствованию деятельности органов внутренних дел Российской Федерации» // СПС «Консультант плюс».
3. https://xn--b1aew.xn--p1ai/anticorr/conflict_commission/Svedenija_o_sostojavshihsja_zasedanijah (дата обращения: 15.10.2017)
4. <https://25.xn--b1aew.xn--p1ai/citizen/obzor> (дата обращения: 15.10.2017)

УДК: 93:291.11:314.7

МИССИОНЕРСТВО – ТА ЖЕ ДИПЛОМАТИЯ: ИНОСТРАННЫЕ РЕЛИГИОЗНЫЕ МИССИИ В АМУРСКОЙ ОБЛАСТИ В ПОСТПЕРЕСТРОЕЧНЫЙ ПЕРИОД

Оксана Петровна Федирко,

доктор исторических наук, Институт истории, археологии и
этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, г. Владивосток.

E-mail: fedenka.67@mail.ru

Статья посвящена слабо изученному аспекту в истории постперестроечного Дальнего Востока России. Начало перестройки и падение «железного занавеса» стимулировали начало миграций как на территории СССР и постсоветского пространства, так и в мировом масштабе. Специфической группой миграционных процессов были иностранные миссионеры, которые в 1990-е гг. устремились в Россию, движимые целью распространения своего учения и обращения в него неверующих и представителей других религий. Особой территорией, ставшей театром деятельности иностранных миссионеров, в силу пограничного расположения стал Дальний Восток. В свою очередь Амурская область, доступ на территорию которой из-за строгого паспортного режима был закрыт особенно тщательно, была особо привлекательной для развертывания миссии. Начало деятельности иностранных миссионеров в Амурской области пришлось на 1993 г. и продолжалось до 2005–2007 гг. В результате в Амурской области, регионе с крайне низкой степенью религиозности, возникли нетрадиционные религиозные объединения: «Вера Бахаи», Ассоциация Святого Духа за объединение Мирового Христианства (муниты), Церковь Саентологи, Пресвитерианская церковь, возродилась Римско-католическая церковь, возросла активность баптистских, пятидесятнических и евангельских церквей. К 2005–2007 гг. для традиционных на Дальнем Востоке протестантских организаций необходимость в приглашении иностранных миссионеров отпала, так как первые оформились организационно, приобрели устойчивый статус партнера государства в социокультурном пространстве страны и региона. Новые религиозные объединения, созданные иностранными миссионерами при их огромной финансовой помощи, но не имевшие этнической и культурной почвы в регионе, не выдержали испытания временем и утратили своё влияние на социум.

Ключевые слова: религия, государство, миссионерство, религиозные объединения, Амурская область.

MISSIONARY WORK IS A KIND OF DIPLOMACY: FOREIGN RELIGION MISSIONS IN THE AMUR REGION DURING THE POST-SOVIET PERIOD

Oksana Fedirko,

Institute of history, archeology and ethnography of the peoples of the Far East, FEB RAS, Vladivostok, Russia. E-mail: fedenka.67@mail.ru

The article is devoted to the aspect in the history of the post-“perestroika” Far East of Russia. The beginning of perestroika and the fall of the “Iron Curtain” gave start to migrations both on territory of the USSR and the post-Soviet area, and all over the world. Foreign missionaries were seen as a specific group of migration process. In 1990s they flooded Russia to promote their beliefs and to convert the non-believers and the representatives of other religions. The Far East became a special territory which served as a stage for the foreign missionaries due to its frontier location. The Amur region was especially attractive for the missionaries because the access to the area was restricted. Foreign missionaries’ activity started in 1993 and lasted till 2005-2007. As a result the Amur region which had a low level of religiosity became a venue for non-traditional religious associations, such as: The Baha’i Belief, the Holy Spirit Association for the Unification of World Christianity, the Church of Scientology, the Presbyterian Church; the Catholic Church revived and the Baptists, the Pentecostals and the Evangelists increased their activity. By 2005-2007 the Protestant organizations, which presented religions traditional for the Far East, lost the need for inviting foreign missionaries because the associations had established themselves as organizations and obtained their status of the state’s partners in the social and cultural space of the region, the Far East and Russia. Religious entities which had been considered as new ones and had been created by foreign missionaries and with their financial aid but without any ethnic and cultural background in the region, did not manage to survive with the time and lost their influence in society.

Keywords: religion, the state, missionary work, religious associations, the Amur Region.

Миссионерство является частью общественного служения последователей большинства религиозных течений, а международные и государственные правовые акты по вопросам свободы совести закрепляют это право как неотъемлемую часть религиозных свобод человека в демократическом обществе.

После смягчения миграционного законодательства в 1990-х гг. увеличился поток иностранных миссионеров на Дальний Восток России. В результате там возникли новые религиозные культы, и возросла активность протестантских объединений. Изучение деятельности иностранных миссионеров в регионе представляется нам достаточно интересным, поскольку позволяет проследить её влияние на жизнь Дальнего Востока. Источниковой базой работы стали материалы текущих архивов органов власти, периодическая печать светского и конфессионального характера.

Выбранное направление исследования требует раскрытия основополагающих принципов миссионерской стратегии. Один из её элементов – определение на территории страны ключевых районов, где наиболее целесообразно организовывать миссии [10, с. 96]. В большей степени воздействию иностранных миссионеров подвергся Хабаровский край, в меньшей – Чукотка. Особенно привлекательными для них были приграничные территории, с которых в начале 1990-х гг. сняли режим пограничной зоны. Среди таких была и Амурская область.

Первыми там, благодаря деятельности миссионеров, появились последователи веры Бахаи. В 1991 г. в г. Благовещенск прибыли американские бахаи, сумевшие за пять дней создать в городе группу единомышленников. Граждане США – Шараф Функ и Джон Уайс, – а также Лена Алексеева из г. Улан-Уде встречались с теми, кто разделял их взгляды или проявляли к этой вере интерес, беседовали с молодежью [1, с. 3]. В 1993 г. в область приехали

миссионеры-англичане [7, с. 175]. В 1994 г. на этой территории несли служение несколько бахаи из Иордании, в результате чего образовалась религиозная группа в г. Белогорске. В 1997 г. прибыли бахаи из Малайзии [2, с. 225], однако их миссионерскую деятельность пресекли местные органы власти, так как в визе указывались те города Амурской области, где отсутствовали объединения последователей данной религии. У групп бахаи не было регистрации и активной поддержки из-за рубежа, их активность снизилась. В начале 2000-х гг. сохранилась одна небольшая группа (около 10 чел.) в г. Белогорске, которая существует и в настоящее время.

В 1993 г. в Амурскую область прибыли российские миссионеры, прошедшие подготовку в Индии и осуществлявшие свою деятельность при активной поддержке со стороны Международного общества сознания Кришны. В 1994 г. Управление юстиции зарегистрировало благовещенскую общину вайшнавов, позднее – группу в г. Свободном. В настоящее время общины вайшнавов лишены государственной регистрации. Благовещенская группа продолжает свою деятельность, но её численность сократилась до 25 чел.

Важным элементом миссионерской стратегии является выделение определённых социальных групп и целенаправленная работа с ними [10, с. 97]. Считается, что наиболее восприимчива к деятельности иностранных миссионеров молодёжная среда – студенты и учащиеся. Поэтому именно они попали в сферу особого внимания миссий.

В 1995 г. в Амурской области была оформлена Ассоциация Святого Духа за объединение Мирового Христианства (муниты). Её организатором стал приглашённый в ДальГАУ для чтения лекций австриец Эрнст Хаузедек, вместо учебных занятий проводивший работу по созданию Церкви Объединения. Номинальным лидером считался бывший студент педагогического института Е.В. Самсонов, а фактическое руководство осуществлял из-за рубежа Э. Хаузедек [2, с. 429].

Приобретая статус юридического лица, религиозная организация получила возможность приглашать иностранных миссионеров. Ежегодно в Благовещенск и другие населённые пункты области приезжали по 2–4 проповедника, которые пытались создать новые религиозные группы. Нарушение миграционного законодательства вызвало адекватную реакцию местных органов власти: ассоциации вынесли предупреждение о недопустимости посещения мунитами из-за рубежа населённых пунктов, где отсутствуют зарегистрированные общины [9, л. 36].

Во второй половине 1990-х гг. в российском обществе резко ухудшилось отношение к Ассоциации Святого Духа за объединение Мирового Христианства. Стали другими и формы деятельности мунитов на Дальнем Востоке. Их объединения легализовывались как общественные организации, что позволяло верующим получить доступ в образовательные учреждения. Примером является приезд в Благовещенск в марте 1997 г. американца Арнольда Эдванса и гражданок Японии Тобито Сеткуко и Марты (последняя осуществляла функции переводчика) [9, л. 38]. Они выступали в качестве представителей федерации «Семьи за Единство и Мир во Всем Мире». Активная деятельность миссионеров получила поддержку у некомпетентных в вопросах религиоведения чиновников от образования. Тобито Сеткуко и Марта предлагали прочитать в школах города лекции по нравственному

воспитанию детей. В течение трёх месяцев в 12 учебных заведениях прошло более 200 таких лекций. После того как у некоторых учителей возникли вопросы, специалисты провели экспертизу. На религиозный характер текстов указывали их структура и содержание, а миссионерский характер подтверждало отсутствие платы либо каких-то других форм вознаграждения за работу. Иностранным миссионерам запретили осуществлять деятельность в школах Благовещенска [9, л. 40]. Но история получила неожиданное продолжение. Марта обратилась в Пограничный отдел милиции города и получила письменное разрешение на посещение школ, причём на эти лекции её сопровождал милиционер [2, с. 456]. Не менее парадоксальной была ситуация с А. Эдвансом. После того как за нарушение российского законодательства ему отказали в продлении визы для проживания в Благовещенске, муниты попросили помощи у работавшего в городской администрации руководителя «Русско-японского содружества», который от имени организации ходатайствовал о продлении визы гражданину США, обучающему россиян иностранному языку [2, с. 456].

После отъезда иностранных миссионеров из области активность мунитов пошла на спад. Сегодня последователи данного учения либо уже отошли от него, либо не афишируют своих взглядов.

Первые сайентологи появились в Амурской области в начале 1990-х гг. И хотя результаты их работы были ощутимы только в первый год присутствия, а к 1995 г. созданная религиозная группа распалась, последователи учения Р. Хаббарда в области остались. Деятельность сайентологов носит циклический характер и в той или иной степени связана с работой иностранных миссионеров либо российских граждан, прошедших подготовку за рубежом.

Одним из самых напряжённых являлся период 2003–2005 гг. В 2003 г. лекции и материалы по сайентологии имели широкое хождение в амурских вузах. Книжки Р. Хаббарда можно было бесплатно получить в Благовещенском филиале Московской академии предпринимательства при Правительстве Москвы (БФ МосАП), Благовещенском гос. пед. университете, Амурском гос. университете через лиц, так или иначе связанных с зарубежными организациями. Преподаватель экономики БФ МосАП, пройдя обучение за рубежом, активно читала лекции по сайентологии, организовала Клуб дианетики для студентов, именно через неё в область из-за рубежа поступали деньги, предназначенные для поддержания деятельности объединения сайентологов [8, л. 10].

В 2004 г. обнаружилось, что в школе п. Уруша Амурской области под маской логопедического кружка существует клуб последователей Хаббарда. Позже выяснилось: дети выпрашивали у родителей деньги на обучение сайентологии. Директор образовательного учреждения обратилась за помощью в администрацию области. В январе в п. Уруша и Сковородино приехала специальная комиссия. Сектантам запретили появляться в школе, однако из поселка их выгонять не стали [6, с. 26–27].

В том же 2004 г. глава Сковородинского района Амурской области Б. Шалимов был взят под стражу и осуждён на два года. Он потратил из бюджета 600 тыс. руб. на обучение районных чиновников сайентологии не только в Санкт-Петербурге, но и на местах: в район по туристической визе приглашались иностранные миссионеры [8, л. 41].

В 2010 г. при помощи эмигрировавшей из России преподавательницы БФ МосАП был организован десант сайентологов в Амурскую область, среди них имелись и иностранные граждане. За месяц прошли мероприятия в 30 организациях Благовещенска. Арендовав здание в центре города, миссионеры активно приглашали всех желающих на семинары, лекции, тестирование. По их оценкам, мероприятия посетили более 20 тыс. амурчан [8, л. 53].

На сегодняшний день в Благовещенске действует общественная организация «Благовещенский центр по распространению Дианетики и Сайентологии», которая проводит свои мероприятия в одной из библиотек. Центр финансируется в том числе и за счёт пожертвований из-за рубежа. В ряде городских организаций, где руководители являются последователями учения Р. Хаббарда, отмечены попытки заставить работников пройти т.н. курсы повышения квалификации по сайентологии и дианетике [8, л. 58].

Ещё один элемент стратегии – стремление к увеличению количества религиозных общин. Это помогает понять тактику корейских и американских миссионеров на Дальнем Востоке, которая определялась стремлением создать как можно больше (пусть даже малочисленных) общин, что было одним из методов не только привлечь людей к вере, но и сделать их представителями определённой конфессии. Важнейшими составляющими успеха деятельности миссий являются финансы и общественная поддержка – элементы во многом взаимозависимые [10, с. 97].

В середине 1990-х гг. в Амурской области возникают «этнические» религиозные объединения. В 1994 г. в г. Благовещенске была создана корейско-русская пресвитерианская церковь «Надежда». Её организатором стала прибывшая из Казахстана с группой корейских семей Б.А. Канн. Духовным наставником данного объединения на протяжении нескольких лет являлся гражданин Южной Кореи Ын Сун Сиг, приехавший в Благовещенск по приглашению церкви и имевший визу до 15 марта 1998 г. «Надежда» была поместной церковью и подчинялась Фонду Генеральной Ассамблеи пресвитерианской церкви Южной Кореи. Генеральная Ассамблея не только направляла священнослужителей и высылала религиозную литературу в объединение Благовещенска, но и помогала материально. Фонд подарил общине микроавтобус, выделил финансы на приобретение строения под молитвенный дом, неоднократно пересылал гуманитарную помощь для распространения среди малоимущих и пенсионеров [3, с. 179].

В исследуемый период снова начала свою деятельность на территории Амурской области Римско-католическая церковь (РКЦ). При возрождении приходов она ориентировалась, в первую очередь, на население польского и литовского происхождения. Значительно активизировались амурские католики после создания Ватиканом Апостольской администратуры с центром в Иркутске. В 1999–2007 гг. в Благовещенске работали миссионеры-вербисты (SVD), члены ордена Слова Божьего, о. Владимир Сек, о. Томаш Клявонь, о. Вальдемар Калиновский. Благотворительностью при поддержке местных властей занимались сёстры-служительницы Святого Духа (SSpS) – Ц. Россман, Р. Зияя, Т. Себастиан [8, л. 6]. Именно благодаря деятельности монахинь на базе прихода был создан Центр поддержки жизни, который оказывает моральную и материальную поддержку беременным женщинам, особенно находящимся в трудном материальном и семейном положении. За 2005 г.

за помощью в центр обратился 2741 чел. В настоящее время из-за действия нового миграционного законодательства приглашение приходом РКЦ монахинь из-за рубежа затруднено.

С середины 1990-х гг. пятидесятнические и баптистские объединения для активизации религиозной жизни регулярно приглашали к себе на служение зарубежных миссионеров.

В 1994 г. по Амурской области прокатилась волна создания объединений христиан веры евангельской молодёжного европейского типа. Например, в 1994 г. в г. Тында с помощью иностранных миссионеров были образованы воскресные школы и кружки по изучению религии. Летом того же года руководители евангельских христиан пригласили из США и Канады проповедников для обучения религии участников устроенных ими детских лагерей на берегу р. Зеи [3, с. 182].

В 1999 г. в Благовещенской школе № 5 английский язык в средних и старших классах преподавали граждане США Д. Хайдэн и Дж. Тернбоу [4, с. 4]. Параллельно они вели занятия в воскресной баптистской школе. Как выяснилось, семьи Хайдэна (4 чел.) и Тернбоу (3 чел.) «были приглашены руководством школы № 5 в рамках культурно-образовательного обмена». Американцы вели уроки разговорного английского языка. За 1,5 года работы в школе они не получали заработную плату, им не компенсировали оплату питания и жилья, а также другие расходы, связанные с проживанием.

В ходе проверки, предпринятой органами образования и миграционной службой, было установлено: приглашения для занятия профессиональной, в том числе проповеднической, религиозной деятельностью Хайдэн ни от одной религиозной организации не получал, а следовательно его работа являлась противозаконной. Хотя он и вёл класс в воскресной школе, и его пребывание в городе было явно согласовано с руководством евангельских христиан баптистов области, тем не менее никакого официального приглашения от амурских общин ни он, ни его товарищ Д. Тернбоу не имели. За нарушение Указа Президента РФ «О привлечении и использовании в Российской Федерации иностранной рабочей силы» (от 16.12.93 № 2146), «Положения о привлечении и использовании в РФ иностранной рабочей силы» и Закона РФ «О свободе совести и о религиозных объединениях» со стороны как администрации школы, так и иностранных «специалистов» органы МВД выдворили из России обоих миссионеров за счёт средств работодателя [3, с. 184].

В 2002 г. на территории Амурской области проповедовали Илия Миланов и два его товарища-музыканта из Болгарии. Они проводили евангелизационные собрания на площадях и в клубах сёл Константиновского, Тамбовского, Октябрьского и Благовещенского районов, а также в церкви «Благая Весть» г. Благовещенска. Основной целью служения болгарских миссионеров было посещение молодых церквей в отдалённых районах области [5].

За 1999–2000 гг. в Амурской области с непродолжительными визитами в официальном порядке побывало несколько групп иностранных миссионеров. В их числе по приглашению евангельских христиан баптистов (ЕХБ) – 15 чел., Новоапостольской церкви – 2, христиан веры евангельских пятидесятников (ХВЕП) – 4, Свидетелей Иеговы – 1. В 2001 г. область посетило 134 зарубежных религиозных деятеля, в 2002 г. – 54, в 2003 г. – 48. В большинстве своём это были граждане Великобритании, США, Германии, Кореи, Польши,

являющиеся последователями конфессий пятидесятников, баптистов, пресвитериан, католиков, евангельских христиан [11, с. 110].

В результате деятельности иностранных миссионеров значительно расширился спектр конфессий, действовавших в указанный период в Амурской области, активизировалась религиозная жизнь.

К 2005–2007 гг. для протестантских организаций, представляющих традиционные для Дальнего Востока религии, необходимость в приглашении иностранных миссионеров для активизации религиозной жизни общин отпала, так как последние оформились организационно, приобрели устойчивый статус партнёра государства в социокультурном пространстве области, Дальнего Востока и России. Эти объединения никогда не зависели от иностранного капитала, а лишь использовали его в качестве дополнительных средств для оказания помощи социально незащищённым слоям общества. Те же общины, которые относились к новым религиям, создавались иностранными миссионерами с привлечением огромных финансов, но не имели этнической и культурной почвы в регионе, не выдержали испытания временем и утратили своё влияние на социум.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Борзунова С. Настоящие пророки являются вовремя // Амурская правда. 1992. 9 июня.
2. Дударенок С.М. Нетрадиционные религии на Дальнем Востоке: история и современность. Владивосток: Из-во ДВГУ, 2004. 532 с.
3. Дударенок С.М., Федирко О.П. Религиозная жизнь Амурской области в последнее десятилетие XX века // Ученые записки Благовещенского государственного педагогического университета. Благовещенск, 2007. С. 177–186.
4. Хайдэн Д. Я учу как по Библии быть хорошей семьей // Амурская правда. 2000. 4 марта.
5. Иностранные проповедники всех мастей продолжают «просвещать» россиян // Русская линия – православное информационное агентство. URL: <http://rusk.ru/st.php?idar=305506> (дата обращения: 10.09.2017).
6. Козырин А. Сектанты Уруши учат детей правильно жить // Комсомольская правда. 2004. 6 марта.
7. Крупицы. Из писаний Баха-Уллы. СПб, 1994.
8. Личный архив Федирко О.П.
9. ТА ОСОВПОВС МВИП АО (Текущий архив отдела по связям с общественностью и взаимодействию с правоохранительными органами и Вооруженными Силами Министерств внутренней и информационной политики Амурской области).
10. Трофимчук Н.А., Свищев М.П. Экспансия. М.: Изд-во РАГС, 2000. 218 с.
11. Федирко О.П., Друзяка А.В. Иностранные миссионеры в Амурской области (1990-е – начало 2000-х гг.) // Свобода совести в России: исторический и современный аспекты Владивосток, 2015. С. 106–111.

УДК: 947.088(571.6)

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫХ АВТОРОВ КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ 1990-х ГОДОВ

Елена Сергеевна Волкова,

кандидат исторических наук, младший научный сотрудник отдела социально-политических исследований Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток.

E-mail: elenavolkova1@yandex.ru

В статье на основе избранных произведений художественной литературы реконструируется повседневность 1990-х гг. на российском Дальнем Востоке, в том числе разрушение привычного мира, массовая дезориентация, практики выживания в условиях переходного периода, поиск новых точек опоры.

Ключевые слова: Дальний Восток России, 1990-е гг., повседневность, рыночные реформы, социальная дифференциация, практики выживания.

FICTION BY AUTHORS OF RUSSIAN FAR EAST AS A SOURCE FOR THE 1990S EVERYDAY LIFE STUDY

Yelena Volkova,

Institute of History, Archaeology and Ethnology FEB RAS, Vladivostok, Russia. E-mail: elenavolkova1@yandex.ru

The article reconstructs on basis of selected fiction books everyday life in the 1990s in the Far East of Russia including destruction of familiar world, mass disorientation, survival skills in conditions of transition period and search for alternate pivot points.

Keywords: Russian Far East, the 1990s, everyday life, market reforms, social differentiation, survival practices.

Художественная литература помогает реконструировать типы поведения, мышления, восприятия, свойственные людям определенного исторического периода, а значит, воспроизвести субъективные аспекты социальной реальности, и, разумеется, она должна рассматриваться в комплексе с другими историческими источниками. Но, на наш взгляд, достоинство художественной литературы заключается в том, что она создаёт своего рода «эффект погружения» в историческую эпоху.

Для анализа мы отобрали два прозаических произведения – «Язычник» Александра Кузнецова-Тулянина и «Чемоданный роман» Лоры Белоиван – а также стихи Анатолия Бочинина 1990-х гг. Критериями отбора стали

достаточно яркое и полное отображение различных сторон повседневности, а также позитивная оценка произведений литературной критикой. Жизнь А. Бочинина трагически оборвалась во Владивостоке в 2005 г., Л. Белоиван в настоящее время живёт в Тавричанке, А. Кузнецов-Тулянин – в европейской части России, однако действие его романа развёртывается на Курильских островах, где автор прожил около десяти лет.

Если говорить о методологии, то при анализе художественных произведений мы будем опираться на концептуальные положения А. Шюца. Напомним, что он выделял шесть конституирующих элементов повседневности как особой формы реальности [5].

Первый, основополагающий элемент – **трудовая деятельность**. Лирический герой Бочинина, несмотря на рядовое происхождение («Я из семьи простых рабочих») идентифицирует себя исключительно как поэт, и для него это не только Божий дар, но и статус, определяющий бытие: «Поэт не может жить в благополучии / Сверчку под стать у жаркого камина». Он признаёт себя бродягой, несколько не смущаясь отсутствием семьи, жилья и неустроенным бытом: «Опять в быту бьюсь рыбою об лёд. / Мне Бог талант не поскупившись дал – / И мир житья за это не даёт» [4].

Дядя Боря из «Чемоданного романа» тоже в каком-то смысле причастен к сфере культуры – он работает музыкантом похоронного оркестра, но в бытовом плане эта профессия, как выясняется, очень полезна. Она даёт возможность в трудные времена не только самому сносно существовать, но и обеспечивать сожительницу и даже подкармливать безработную соседку, в роли которой выступает лирическая героиня романа по имени Лора. Кроме того дядя Боря обучает ее нехитрому искусству производства самогона, а реализацию берет на себя. «Кроме дяди Бори, других источников пропитания у меня на тот период не наблюдалось, – признаётся Лора. – Работы же не было даже в перспективе» (речь идёт о начале 1990-х) [1, с. 55].

Девяностые запомнились многим россиянам как период расцвета торговли на рынках, барахолках, в киосках, ларьках... У Бочинина этот вид деятельности вызывает отрицательные эмоции и даже представляется чем-то дьявольским: «От барахолок тянет холодом. / Шмутьём фарцуют пацаны» [2, с. 68]. С ненавистью говорит он о торговце из ближнего зарубежья: «А ты всё кровушку сосёшь! / В киоске нагло процветаешь» [2, с. 69]. И с горькой иронией о торгово-потребительском буме: «Вся страна, что птица в небо, / Что в Москве, что в Канске, / Рвётся в сферу ширпотреба / По-американски» [2, с. 67].

Кузнецов-Тулянин старается описывать торговые операции по возможности бесстрастно, но негативное отношение рыбаков к «торгашам» всё равно проступает: «Бессонов думал: странные люди, из всех удовольствий – простенькая еда, кружка с чаем, сигаретка. С утра до ночи: кунгас, море, переборка, весла, багры, умирающие рыбы, кровь, слизь, вода в кунгасе, одежда, мокрая и соленая от пота и моря, комарье и мошка, от которых лица превращаются в морды. И еще неизвестно, что они заработают. Но предложи любому променять проклятую жизнь, сделаться торговым челноком, ездить в Японию и Китай за барахлом – обидится» [3, с. 133].

А вот Лора из «Чемоданного романа», отчаявшись найти постоянную работу, спекулирует на базаре обойным клеем, не испытывая восторга, но

воспринимая это как инструмент выживания в сложный период: «Я покупала бустилат в... пригородном сельмаге, везла его на базар в город В. и сбывала с прибылью 200%... Меня трижды хотели побить за монополизм и раз сто пятьдесят обозвали паршивой спекулянткой... Жизнь моя становилась всё сложнее, и я решила устроиться куда-нибудь журналисткой» [1, с. 62]. На этой ниве Лора неожиданно преуспела: «Меня взяли на работу в толстый еженедельник... Я начала получать зарплату, но тут в магазинах кончилась еда» [1, с. 58]. На помощь героине снова приходит сосед дядя Боря, трубач из похоронного оркестра.

Потом совместно с японскими коллегами Лора снимает несколько документальных фильмов о реалиях современной России в духе журналистского расследования, выступая в роли технического продюсера, что приносит хороший заработок. Фильмы были посвящены таким актуальным темам, как наркобизнес, проституция, контрабанда оружия, морепродуктов и торговли автомобилями, угнанными с территории Японии.

По словам Лоры, последней темой она владела в совершенстве, поскольку «специфика города В. еще в начале девяностых была такова, что и я, и бывший муж, и практически все мои друзья, и друзья моих друзей, и друзья друзей друзей так или иначе хотя бы вскользь занимались торговлей японскими машинами, часть из которых – увы и ах – была нормально угнана с территории этой благословенной в своей наивности страны. Правда, к угонщикам приложили руку совсем другие люди, но что это меняет? – начало начал всегда и везде отягощено криминальной аурой, зато потом служит благотворительным целям и пополняет ряды налогоплательщиков» [1, 145–146]. Вот так откровенно говорит героиня об эпохе первоначального накопления.

В продолжение автомобильной темы Лора рассказывает историю о двух владивостокских моряках (один из них со сломанной ногой в гипсе), которые перегоняли в Москву на продажу японский грузовик, «в кузове которого стоял ещё один грузовик...», а в его кузове стояла «Toyota Mark II». Когда у моряков закончились деньги, а покупателей на машины ещё не было, они вынужденно занялись грузоперевозками, и дела их так быстро пошли в гору, что возвращаться в моря они не захотели, а вместо этого купили еще несколько грузовиков и наняли работников [1, с. 37–39].

Семён Бессонов из «Язычника», переселившись в 1970-е гг. на остров Кунашир, незаметно преобразуется «из рядового учителя истории в курильского рыбака» [3, с. 69], который зарабатывает, по меркам того времени, большие деньги и в состоянии удовлетворить практически любой потребительский каприз своей семьи. Но в 1990-е, после денежного обвала и конфликтной ситуации на работе, он принимает решение вернуться в школу. Директор отговаривает: «Как не имеющий аттестации, вы получите самый низкий разряд. Зачем вам такое? Нищенская зарплата, никаких льгот. Вот раньше учителя на острове получали по семьсот рублей. А сейчас...». «Поймите меня, дело не в деньгах и, конечно, не в высоких каких-то идеях... Но мне как воздух нужна эта работа», – отвечает Бессонов [3, с. 270]. В конце концов его принимают на должность учителя труда, поскольку место историка уже занято.

Интересно, что Лора в «Чемоданном романе» в постсоветский период тоже рассматривает профессию учителя как вариант занятости, и о зарпла-

те опять же речи не идёт: «Хорошая, мирная профессия. Полезная. Добрая. Светлая», – комментирует героиня [1, с. 102].

Второй конституирующий элемент повседневности – **специфическая уверенность в существовании мира**, воздержание от сомнения в том, что этот мир может быть не таким, каким он является активно действующему индивиду. 1990-е годы отмечены массовой дезориентацией: привычный советский мир рушится, происходит то, что ещё недавно казалось в принципе невозможным, немыслимым. «Жить в России стало страшно», – пишет Бочинин в 1993 г. [2, с. 67].

Лора из «Чемоданного романа» шокирована взрывом арсенала ТОФ во Владивостоке в 1992 г. «В один погожий вечер Тихоокеанский флот напал на мирное население, взорвав свой арсенал», – говорит она [1, с. 56]. Проживая в пригороде в доме на отшибе рядом с оврагом, где обнаруживаются два трупа (один из них расчлененный), по ночам Лора не может уснуть, поскольку не чувствует себя в безопасности. В конце концов друг, работающий в милиции, дарит ей обрез двустволки, попутно консультируя, как затягивать труп убитого преступника ногами в квартиру, чтобы девушку не посадили в тюрьму за превышение необходимой обороны. После этого Лора опять же, чтобы не иметь проблем с законом, каждый день пишет новое заявление в милицию: дескать, нашла на улице ружьё, несу его добровольно сдавать, дата-подпись. Однажды, переночевав у друзей, героиня возвращается домой и обнаруживает выбитое окно и три камня на полу. Затем она переезжает в квартиру «почти в центре» Владивостока и тот же друг снабжает ее карабином «Сайга». Но и здесь Лора попадает в неприятную ситуацию: «Преступники обрезали мне кабельное телевидение, подумав, что это телефон, залепили глазок, ...а сами стали взламывать соседскую квартиру» [1, с. 132–134].

Разгул криминала нашёл отражение и в романе «Язычник»: назойливые рэкетиры, бандитские разборки, взорванный джип и вылетевшие стёкла в соседних домах являются неизменными атрибутами российских девяностых.

На Курилах социальные катаклизмы дополняются природными – происходит землетрясение, рушатся дома, выходят из строя системы жизнеобеспечения. Местным жителям предлагают написать заявление на денежную компенсацию за потерянное имущество и разрушенное жильё (даже если оно не сильно пострадало и может быть восстановлено), но – предварительно выписавшись из квартиры. После выплаты компенсации тех, кто аннулировал прописку, начинают в принудительном порядке выселять с острова – формально за нарушение погранрежима. Выясняется, что их дома уже приобретены у местной администрации ушлым предпринимателем, и для того, чтобы остаться, нужно выкупить жильё по той цене, которую он установил. Баба Маня не может поверить, что всё это происходит наяву: «Как же ты меня из мово собственного дома погонишь?», – спрашивает она представителя власти (но в конце концов пенсионерка вынуждена подчиниться) [3, с. 355].

Земля уходит у курильчан из-под ног – в прямом и переносном смысле. Это ощущение неустойчивости, зыбкости бытия передаёт и Анатолий Бочинин: «Россия выдохлась. И кто-то / Её умышленно, ей-богу,/ Толкает в топкое болото» [2, с. 70].

Крушение прежних идеалов и отсутствие уверенности в завтрашнем дне стало одной из причин всплеска религиозности. «Безумству храбрых пе-

сен нет. / Давно не реют буревестники. / Народ разут. Народ раздет. / Зато у всех на шее крестики», – иронически констатирует Бочинин [4]. И тут же обнаруживается, что традиционная религия – православие – весьма консервативна: приходя в церковь в джинсах и с рюкзаком, женщина рискует подвергнуться психологической атаке.

Люди вынуждены каким-то образом приспособливаться к новой реальности, искать точки опоры. И здесь мы переходим к таким признакам, как **напряженное отношение к жизни и личностная определенность действующего индивида**. В 1990-е гг. стали особенно востребованы активная жизненная позиция, инициативность, умение быстро адаптироваться к меняющимся условиям и использовать открывшиеся возможности.

«Ты – как кошка, всегда встаёшь на четыре лапы», – говорит подруга героине «Чемоданного романа». Это то самое качество, которое помогает Лоре в короткие сроки приходить в себя после пережитых потрясений и бесстрашно двигаться вперёд: «Ласточкина, скажи, что я кошка, и встану на четыре лапы!», – выла я, когда кто-то сжёг мой дом... Прошло четыре месяца, я заняла прорву денег у недоверчивых кредиторов и купила квартиру... А потом, когда мы с Хирумицу сняли пятый фильм, и удовлетворенные кредиторы отвалили от меня навсегда, Ласточкина сказала «Вот видишь» [1, с. 99].

Активная жизненная позиция помогала кому-то элементарно выжить, а кому-то в короткое время сколотить капитал и при благоприятном стечении обстоятельств многократно его приумножить. «Арнольд Арнольдович одним из первых на острове почуял слабину, бесхозность в... государстве», – пишет Кузнецов-Тулянин [3, с. 279]. Сначала новоявленный бизнесмен возит икру на материк, по бросовой цене приобретая ее у рыбаков и браконьеров, а обратно гонит контейнеры с импортными товарами. Потом скупает имущество разоряющихся местных рыбзаводов. Стихийное бедствие на Курилах Арнольд Арнольдович тоже использует в своих корыстных целях. И уже к середине 1990-х он достигает такого положения, что в ярости бросает в лицо Бессонову: «Я был, есть и буду хозяин тебе и всей шантрапе на этом сраном острове... Власть моя такая, что могу растоптать тебя, а могу и помиловать» [3, с. 366]. Он презрительно называет простых соплеменников «чёрная кость». Как видим, дифференциация постсоветского общества происходит высокими темпами.

Следующий элемент повседневности – **особое переживание времени**. В рассматриваемых произведениях время тесно переплетается с пространством, и ощущение времени во многом зависит от местонахождения героя. Так, Бессонов только период своего проживания на Курилах воспринимает как настоящую жизнь, «до которой не было прошлого и после которой не будет будущего, потому что одно на поверку оказалось лишь прологом жизни, другое – ее итогом» [3, с. 380].

Лора из «Чемоданного романа» характеризует Владивосток как «город моей мечты из него свалить» и годами «сидит на чемоданах» в предвкушении настоящей жизни, которая должна начаться, стоит только Лоре обосноваться в столице, покинув «небольшой турецкий городишко В.» [1, с. 18–19]. Но завершается роман неожиданно: «Я никогда отсюда не уеду», – заявляет Лора: окинув взглядом свою дальневосточную жизнь и созерцая из окна Босфор Восточный, она вдруг осознаёт, что это и есть её настоящее [1, с. 239].

Основные этапы личной хронологии героини связаны с жильём и работой, но дом всё же играет первую скрипку, для неё это важнейшая категория повседневности. Операции с недвижимостью в жизни Лоры причудливым образом переплетаются со значимыми событиями в жизни страны. В 1991 г. незадолго до распада СССР героиня совершает межреспубликанский обмен наследственного жилья в Казахстане на квартиру в Приморье (через четыре месяца такой обмен станет невозможен в принципе, комментирует Лора). Продажа городской квартиры «почти в центре города В.» и покупка деревянного дома в пригороде приходится на «чёрный вторник» 1998-го. А самым большим потрясением во владивостокской жизни героини становится потеря этого жилья, которое, как выясняется, было для неё идеальной моделью Дома с большой буквы (дом сгорел, и Лора фактически теряет опору в жизни, и брак её распадается).

Шестой и последний элемент, по Шюцу – **особая форма социальности**. Поскольку советский строй приказал долго жить не так давно, многим не верилось, что это навсегда, что обратного пути не будет. Курильские рыбаки, как презрительно констатировал Арнольд Арнольдович, по-прежнему «пахали, не поднимая головы, не пытаясь оглянуться и понять, что время притекло другое, что можно и без пахоты урвать-сколотить капитал» [3, с. 280]. В середине 1990-х рыбак Гриша Карпенко на компенсацию, полученную от государства, собирается поехать в Москву «в мавзолей к Ленину сходить и могилу Сталина посмотреть», а ещё «свергнутый памятник Дзержинского выкупить... А придёт нужное время, я тут как тут: пожалуйста, вот вам памятник Феликс Эдмундовича. Его поставят на место, а мне дадут медаль» [3, с. 324].

Тем временем островное хозяйство приходит в упадок: «поселок, мокрый, замусоренный и как будто вымерший: упавшие столбы,... мастерские с сорванной крышей, протекающая электростанция,... погромленные сараи» [3, с. 15]. Драка в магазине за гуманитарную помощь. Рыба, выброшенная и гниющая на берегу тоннами, потому что ее наловили, а потом выяснилось, что продать ее по разумной цене невозможно. Удручающее состояние школ и больниц тоже стало одной из примет 1990-х.

«Спасибо» политическим уродам / И за развал отечества, и за / Эксперименты над своим народом», – пишет Бочинин, закавычивая «спасибо». От его метафор мороз по коже: «Нас до третьего сорта / Всех реформа истискала. / Все мы жертвы аборта / Государства российского». И крик души – «Господа, Русь не грабьте!» [4].

На Курилах люди, в позднесоветский период имевшие высокие заработки, в начале 1990-х гг. остались ни с чем. «Бессоновы на все свои сбережения, которых чуть раньше хватило бы на покупку кооперативной квартиры с мебелью и двух автомобилей «Волга», приобрели стиральную машину «Малютка» [3, с. 89]. В утешение себе Бессонов, сумевший сохранить пренебрежение к деньгам, решает измерить свою жизнь количеством проделанного труда и, произведя элементарный подсчет, приходит к выводу, что «собственноручно добытой им рыбы только на официальных тонях хватило бы на пропитание в течение года городу с населением в тридцать тысяч человек» [3, с. 87].

Другим островитянам справиться с новой реальностью было сложнее. Судьба Перемогиных, которые долгие десятилетия «целиком отдавались туманному будущему», была трагичной. «Тридцать пять лет они недоедали, носили обноски, жили на рыбе и чилимах, соль воровали на сейнерах, чай пили полусладким», и даже «ребёнка не стали заводить из экономии», и вот теперь накопленные ими 280 тыс. рублей отправились «коту под хвост». Перемогин покончил с собой, а жену его, потерявшую разум, отправили в психиатрическую больницу [3, с. 87–89].

Неудивительно, что в 1990-е гг. среди курильчан утвердилось мнение, что «передача островов Японии – вопрос времени» [3, с. 84]. Но, по мнению автора, возможностей для элементарного выживания за счёт натурального хозяйства на Курилах было больше, чем на материке. «[После денежного обвала 1992 г.] народ... бежал с Курил, будто попали люди под гипноз, полагая, что только там и хорошо, где их нет. Позже многие... взвыли, запросились назад на сытые острова, где можно было, как и встарь, жить вовсе без денег, вдосталь кормясь рыбкой и хозяйством» [3, с. 34]

Одним из важнейших инструментов выживания в 1990-е гг. становится взаимопомощь в кругу родственников, соседей и знакомых. Люди без лишних вопросов одалживают друг другу деньги, в критической ситуации бросаются на помощь, делятся продуктами, одеждой, предметами первой необходимости, крышей над головой...

Изучение художественных произведений приводит нас к выводу, что повседневность 1990-х гг. на Дальнем Востоке, как и по всей России, отмечена состоянием неопределенности; мир, окружающий человека, теряет устойчивость и предсказуемость, заставляет «крутиться», чтобы выжить. Государство перестаёт заботиться о своих гражданах, в то же время в обществе укрепляются горизонтальные связи, люди начинают нащупывать под ногами новые точки опоры.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Белоиван Л. Чемоданный роман. М.: Эксмо, 2012. 240 с.
2. Бочинин А. Час потрясения. Стихи // Дальний Восток. Хабаровск, 1993 г. № 1. С. 67–71.
3. Кузнецов-Тулянин А. В. Язычник: Роман / вступ. Ст. П. Басинского. М.: ТЕРРА – Книжный клуб, 2006. 384 с.
4. Поэт-изгой Анатолий Бочинин // Для тебя. Христианская газета. URL: <http://www.foru.ru/slovo.10054.1.html> (дата обращения: 09.10.2017)
5. Шюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом / пер. с нем. и англ. М.: РОССПЭН, 2004. 1056 с.

УДК: 304.2

МЕНТАЛЬНОЕ КАРТИРОВАНИЕ КАК МЕТОД ИЗУЧЕНИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ (на примере Владивостока)

Лариса Георгиевна Гороховская,

кандидат исторических наук, доцент кафедры культурологии и
искусствоведения Дальневосточного федерального университета,
г. Владивосток. E-mail: gorokhovskaya.lg@dvfu.ru

В статье рассматривается метод ментального картирования как один из возможных вариантов качественного исследования. Речь идет о графическом фиксировании субъективного опыта повседневных практик горожан. Дается экскурс в историю возникновения метода, показывается его соотношение с близким по смыслу термином «когнитивное картирование». В статье указываются аспекты корректного использования ментального картирования как инструмента исследования. Обозначаются предметные области изучения повседневности, в которых применение метода наиболее результативно. На конкретном примере исследования публичного пространства Владивостока автор показывает возможности использования ментального картирования.

Ключевые слова: метод исследования, городское публичное пространство, повседневность, визуальность, субъективный опыт, пространственные практики, self-презентация.

MENTAL MAPPING AS A METHOD OF STUDYING EVERYDAY LIFE (ON EXAMPLE OF VLADIVOSTOK)

Larisa Gorokhovskaya,

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

E-mail: gorokhovskaya.lg@dvfu.ru

The article discusses the method of mind mapping as one of the possible variants of qualitative research. We speak about the graphic recording of the subjective experiences of everyday practices of citizens. There is given the insight into the history of the method, showing its relationship to a similar term "cognitive mapping". The article lists the aspects of the correct use of mental mapping as a research tool. There is designated subject area of the study of everyday life in which application method is most effective. A specific example of the study of public space in the city of Vladivostok, the author shows the possibility of using mental mapping.

Keywords: research method, urban public space, everyday life, visual, subjective experiences, spatial practices, self – presentation

Ментальное картирование или картографирование – метод, пришедший в гуманитарные науки из географии. Впервые о ментальных картах упоминается в работе К. Трубриджа как о «вообразимых картах» в 1913 г. Трубридж отстаивал идею об индивидуальном восприятии каждым человеком пространства и несовпадении этих индивидуальных карт [6]. Из географии (культурной географии) метод картирования перешел в социологию и когнитивную психологию. В урбанистике ментальное картографирование получило распространение благодаря работе известного проектировщика К. Линча «Образ города» (1960), исследовавшего субъективное восприятие городского пространства на примере американских городов Бостона, Лос-Анджелеса и др.

Наряду с термином ментальное картирование в научной литературе употребляется и словосочетание «когнитивное картирование», вошедшее в оборот благодаря работе социального психолога С. Милграма, посвященной крупным городам – Парижу и Нью-Йорку [8, с. 50]. Ряд отечественных исследователей используют оба термина как синонимичные [9, с. 75; 10, с. 83; 11, с. 58], другие же настаивают на различии в употреблении [6]. Различие видится в уровне обобщений. Ментальная карта рассматривается как обобщенный, синтезированный пласт восприятия образов, а когнитивная как индивидуальная траектория, основанная на личных особенностях.

В нашей работе мы будем использовать термин ментальное картирование. (Попутно отметим, что это не то же самое, что интеллект-карты, которые были предложены Т. Бьюзенем для улучшения организации управленческой или любой другой деятельности и которые также часто именуют ментальными картами).

Ментальное картирование – это метод *графического фиксирования визуального субъективного опыта человека*. На этом основании метод можно отнести к качественным или как иногда еще их называют «мягким» методам исследования. Это способ графической фиксации неких субъективных образов, опытов, связанных с проживанием какой-либо ситуации, события, пространственных передвижений и практик. Наиболее часто применяется в отношении городских локаций. [3, с. 5–30; 4, с. 136–151; 5, с. 39–56; 11, с. 53–64]. Карта конструируется по инициативе исследователя и по этой причине – это спровоцированные документы. Используется два стиля структурирования субъективного опыта. Предлагается либо пространственная схема фиксации опыта, в этом случае карта по своей форме приближается к обычным картам, либо последовательная схема, которая больше напоминает выстраивание индивидуального маршрута передвижения и называется биографической прогулкой. (По причислению второй схемы к ментальным картам единого мнения нет, отдельные исследователи называют этот второй вариант социологическим картированием) [3, с. 12].

Как и любой метод, ментальное картографирование имеет свои границы применения. Наиболее эвристичен для выявления специфики пространственных практик, территориального поведения различных сообществ. Может применяться для определения пространственных сегрегаций городских зон и городских сообществ. К примеру, локаций специфичных (мигрантов, людей с ограниченными возможностями, матерей с детьми и пр.) и маргинальных групп. Метод может использоваться для изучения публичных и частных пространств, определения транзитных территорий, границ и трансграничья.

На карте проступает *непроявленное*, в чем автор не отдает себе отчета: повседневные практики, связи, поведенческие установки. В ней отражается эмоциональный отклик, определенная отзывчивость ее составителя. Карта становится выразителем жизненного сценария автора, своеобразным текстом, в котором присутствуют авторские культурные коды.

Ментальное картирование редко используют как основной метод, обычно он дополняется интервьюированием или опросом. Социолог Н.В. Веселкова выделяет 4 составляющих корректного использования метода.

1. Изучаемые представления *визуализированы*. В ментальных картах визуальная фиксация является приоритетной формой получения информации.

2. Ментальные карты визуализируют представления о *местности*, люди должны выражать своё видение местности.

3. Непосредственным создателем ментальной карты является *информант*. Если карта создается самим исследователем, то она определяется как социальное картирование.

4. Ментальные карты создаются *для исследования*, это то, что выше мы определили как спровоцированный документ [3, с.10–12].

В настоящее время в зарубежных исследованиях пространства продолжается дальнейшая разработка метода посредством его большей формализации через построение структурных графов.

Ниже представлены результаты визуальных представлений жителей Владивостока о городских публичных пространствах. Нами было получено 19 карт, авторами которых стали мужчины и женщины в возрасте от 20 до 38 лет, как коренные жители города, так и укорененные. Возрастная выборка обусловлена критерием наибольшей активности в освоении городских пространств именно молодежной возрастной группой. Составлению карт предшествовал небольшой опрос, включавший вопросы на определение публичных пространств вообще, так и конкретно по городу, вопрос о частоте их посещения и изображения наиболее часто посещаемых.

Публичные пространства есть некая среда, составляющая часть повседневного жизненного мира горожан, которая построена на идее успешной коммуникации между незнакомыми людьми, определяемой логикой публичного места и предполагающей некую культурную компетентность их посетителей. Если мы пришли в парк или сквер, то мы не будем требовать от посетителей соблюдения тишины, как в библиотеке. С другой стороны, как считает И. Утехин, именно публичные пространства больше открыты новым формам и нетипичным поведенческим практикам [12]. Публичные места должны отвечать ряду признаков. Они должны быть общедоступны и безопасны, предоставлять возможность свободной и разнообразной деятельности.

Использование метода ментального картирования преследовало цель получить ответы на следующие вопросы:

1. Какие публичные места выбирает наиболее активная часть горожан для свободного времяпровождения: традиционные (парки, скверы, набережные) или публичные пространства нового типа: лофты и арт-резиденции, пешеходные улицы, «третьи места», воркшопы, маркеты, где публичная коммуникация устроена иначе?
2. Каков образ места, фиксируемый на карте: какие формы активности замечают авторы, каков их эмоциональный отклик, чем занимаются сами?

Таким образом, речь идет о том, как выстраивается логика места в сознании авторов карт, какова читаемость места. Автор видит и фиксирует только то, что для него значимо, чему придается какой-либо смысл. И, соответственно, выпадает из поля зрения, становится невидимым всё, к чему человек равнодушен. Сама ментальная карта становится символической формой презентации себя, собственной идентичности.

Для интерпретации ментальных карт мы использовали концепт «вообразимости» К. Линча и его схему, фиксирующую на карте «границы, пути, опознавательные знаки – ориентиры». Концепт «вообразимости» у Линча включает связность объектов, способность автора карты соотнести их друг с другом (определяет как структуру), опознаваемость (определяет как способность вычленив объект из остальных), значения (определяет как выявление субъективного смысла) [7].

Выводы.

В 94% случаев карты отразили традиционно сложившийся подход к определению публичных пространств как скверов, парков, пляжей, набережных. Публичных пространств нового типа практически не представлено, за исключением одной карты, где была изображена пешеходная улица: местный Арбат.

Из четырех набережных, существующих в городе, по-прежнему доминирует как наиболее часто посещаемое место Спортивная набережная. В половине случаев (47%) публичное место, которое репрезентирует, по мнению респондентов, образ Владивостока, и «любимое» место совпадало. Среди второй половины карт выделяются изображения пляжей. Возможно, это связано с временем опроса – летним сезоном. А возможно, с «пустотностью» для авторов других публичных пространств.

В качестве опознавательных знаков на всех картах присутствует изображение фонтана на набережной и колеса обозрения.

Субъективное восприятие границ набережной выявляется на картах через обозначение «начала» и «конца». На большинстве карт начало обозначается фонтаном, и «путь» движется в сторону спортивного комплекса «Олимпиец», вся прогулочная зона разворачивается только в эту сторону надписью «много людей» (рис.1). «Конец» обозначен пирсами.

Только на одной карте пространство набережной разворачивается в сторону Эгершельда по относительно новому пешеходному маршруту и продолжается до яхт-клуба «Семь футов». Сравнение «путей» (маршрутов) дает возможность представить пространственные практики горожан. К сожалению, новый городской проект «пешеходная тропа», отвечающая концепции «нового урбанизма» (его основная идея – город, в котором удобно жить), не является приоритетной в полученных нами ментальных картах.

На двух картах в качестве опознавательного знака – ориентира указана скульптура «тигрят», возле которых горожане часто фотографируют детей. Отметим, что, скорее всего, «тигрята» привлекают внимание не как объект декоративного искусства (поскольку ни на одной из карт не фиксируется инсталляции современных художников, хотя они присутствуют на набережной), а скульптура воспринимается как новый символ городской идентичности. Таким образом, зафиксированный в картах визуальный опыт позволяет нам предположить, что набережная воспринимается авторами

как место, символизирующее город. Наиболее часто встречаемый элемент связности по схеме Линча – указание на «море», которое реализуется либо через метонимическое присутствие на картах (пирс, корабли, катамараны, яхт-клуб), либо через надпись «море». Лишь на одной карте море не фиксируется никоим образом. Причем автор очень тщательно отразил разнообразные культурные практики набережной, но остался «равнодушным» к визитной карточке города – морю. Автор карты указал, что он некоренной житель города. Можно предположить, что таким образом транслируется несформированная локальная идентичность. Море выполняет семиотическую функцию и является главным символическим капиталом городского пространства. Упомяну вновь о том, что почти на половине карт в качестве наиболее посещаемого публичного пространства указаны пляжи. Сошлемся также на мнение известного владивостокского журналиста В. Авченко в его путеводителе по городу: «После работы каждый уважающий себя житель Владивостока должен потаксовать, искупаться и порыбачить» [1, с. 65].

Кроме моря на всех картах как важнейший элемент связности объектов выделяются точки общепита. Где-то фиксируется лоток «мороженое» и далее отмечается «очередь», кто-то добавляет: «сахарная вата», «горячая кукуруза», «фуд-корт»; кто-то рисует эмблему общепита. На одной из карт все формы активности на набережной сводятся только к лоткам с едой, все остальные практики остались для автора невидимыми и нечитаемыми (рис.2). Однако на всех остальных картах фиксируются различные виды активности горожан на набережной. Особо выделяют прогулки, общение (сидя на лавочках), а также современные молодежные практики – катание на роликах, скутерах, велосипедах, занятия на спортивных площадках. В картах изображается только то, чему автор приписывает значение, или то, с чем он отождествляет себя. Лишь на двух картах можно увидеть культурные предпочтения респондентов. На одной карте отмечается место фестиваля V-Rox, на второй отмечены площадка для просмотра фильмов, танцевальные мастер-классы, бесплатная танцевальная зона. Зафиксировано место художников, уличная певица, fire-шоу (рис. 3).

Визуальные знаки, связанные с современными перформативными практиками и современным искусством (как мы уже отмечали, имеющиеся на набережной инсталляции не изобразил никто), оказались невидимыми для наших авторов. Такая «нечитаемость» современных перформативных практик молодыми посетителями набережной приводит к выводу о том, что публика не демонстрирует готовность к новым формам и нетипичным практикам, которые быстрее всего проявляются в публичных пространствах. Еще раз обратим внимание на то, что элементы связности, определяющей структуру набережной в ментальных картах, представлены только изображением моря и точками общепита. Именно таким образом репрезентируется актуальный статус этого пространства для его потребителей. То есть место набережной не становится сложным пространством, вмещающим как старые сложившиеся практики, так и новые, вновь формирующиеся. Символизм набережной проявляется в узком сегменте ее морской специфики.

Современная концепция «хипстерского урбанизма» поднимает тему публичных пространств как мест, где все время происходят какие-либо события, где город рассматривается как сцена, на которой идет представление [2, с. 23]. А публичные пространства выстраиваются как интерактивные

площадки, втягивающие в разные формы активности посетителей. Публичные пространства становятся основным местом производства символической экономики. «В таких местах часто живут, работают и встречаются для проведения досуга представители креативных профессий и культурные посредники; здесь возникают музеи, галереи, библиотеки, концертные залы, открытые (на улицах, площадях, в парках, в промзонах) и закрытые выставочные площадки, сквоты, лофты, кафе, клубы» [13].

Логика места, выстраиваемая в ментальных картах наших респондентов, позволяет предположить, что набережная конструируется по схеме города эпохи модерна, в котором преобладали практики пассивного потребления. Большинство авторов карт – это молодые люди в возрасте чуть больше 20 лет – репрезентируют свою приверженность практикам модерна, не выбирая ни форму, ни активности новых публичных пространств эпохи постмодерна.

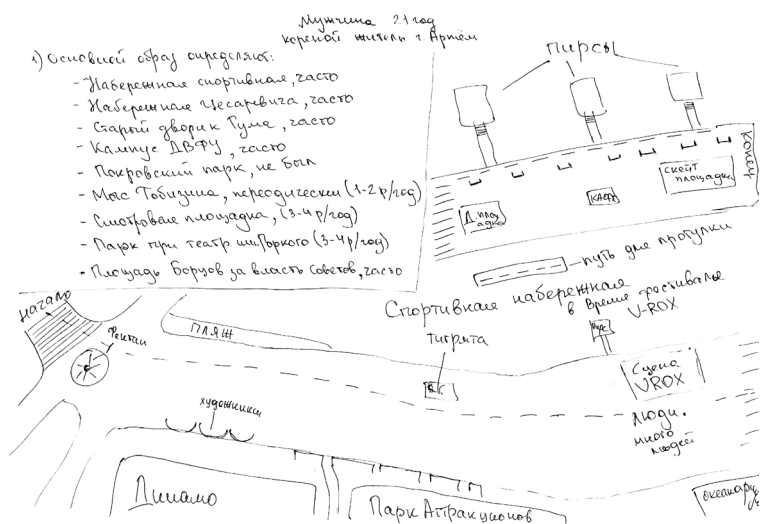

Рис. 1

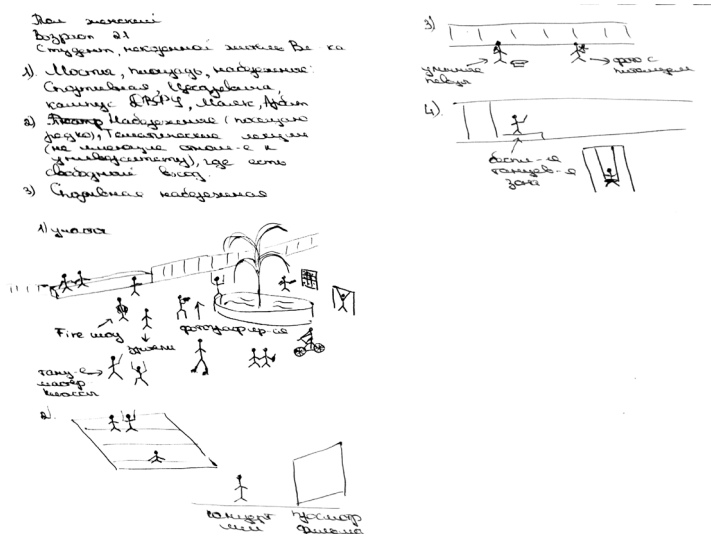

Рис. 2

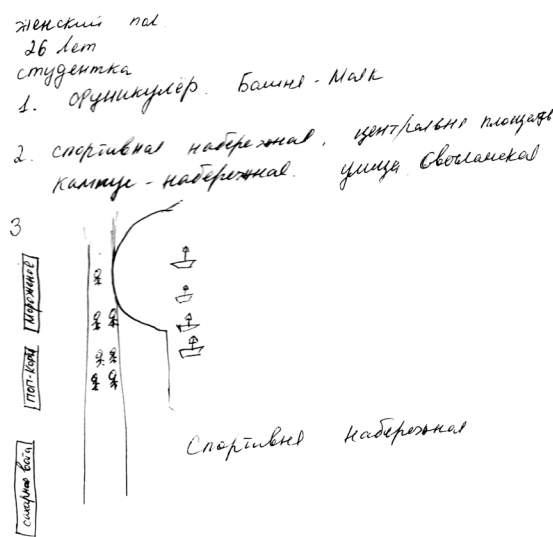

Рис. 3

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Авченко В. Глобус Владивостока: Краткий разговорник-путеводитель (комментарии к не-написанному роману). М.: Ад Маргинем Пресс, 2012. 112 с.
2. Вахштайн В.С. Пересборка города: между языком и пространством // Социология власти. 2014. № 2. С. 9–38.
3. Веселкова Н. В. Ментальные карты города: вопросы методологии и практика использования // Социология: методология, методы, математическое моделирование. 2010. № 31. С. 5–30.
4. Глазков К. Экскурсия по городу: ментальные карты как инструмент работы с городским опытом // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2013. № 5 (117). С. 136–151.
5. Глазков К. Ментальные карты: способы анализа, погрешность и пространственная метрика // Социология власти. 2013. № 3. С. 39–56.
6. Глазков К. Ментальные карты: ограничение метода и образ «чужого» в малом городе. [Электронный ресурс] // Laboratorium. 2015. № 3. URL: <http://www.soclabo.org/index.php/laboratorium/article/view/577/1488> (дата обращения: 04.08.2016)
7. Линч К. Образ города. [Электронный ресурс]. URL: http://www.glazychyev.ru/books/translations/Lynch/Lynch_Image_of_the_city/Lynch_Image_of_the_city_1 (дата обращения 22.09. 2017)
8. Милграм, С. Эксперимент в социальной психологии. СПб.: Питер, 2000. 336 с.
9. Семенова В. Картирование городского пространства: основные подходы к визуальному анализу // Визуальная антропология: городские карты памяти. М.: ООО «Вариант», ЦСПГИ, 2009. С. 67–82.
10. Сорокина Н. Субъективные маршруты: когнитивные карты транспортных путей современных горожан // Визуальная антропология: городские карты памяти. М.: ООО «Вариант», ЦСПГИ, 2009. С. 82–97.
11. Тимофеева Т.Н. Когнитивные карты города Кяхты // Культурная и гуманитарная география. 2013. Т. 2. №1. С. 53–64.
12. Утехин И. Место действия. Публичность и ритуал в пространстве постсоветского города // Институт медиа, архитектуры и дизайна «Стрелка». 2012. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.litres.ru/ilya-utehin/mesto-deystviya-publichnost-i-ritual-v-prostranstve-postsovetskogo-goroda> (дата обращения: 12.09. 2017).
13. Хохлова А.М. Городские публичные места как площадки культурного производства и потребления. [Электронный ресурс]. URL: http://ecsocman.hse.ru/data/2013/02/11/1251419954/Khokhlova_2011_5.pdf (дата обращения: 23.07.2016)

Научное издание

**Социально-политические реформы
и трансформация повседневных структур
в Тихоокеанской России (1985–2015 гг.)**
(Материалы круглого стола, 10 октября 2017 г.)

Ответственный редактор
А.С. Ващук

Компьютерная верстка:
А.А. Казанцев

Издатель: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт истории, археологии и этнографии
народов Дальнего Востока ДВО РАН

Адрес издателя: 690001, г. Владивосток, ул. Пушкинская, 89.
URL: <http://ihaefe.org/publishings/publications/on-line>

